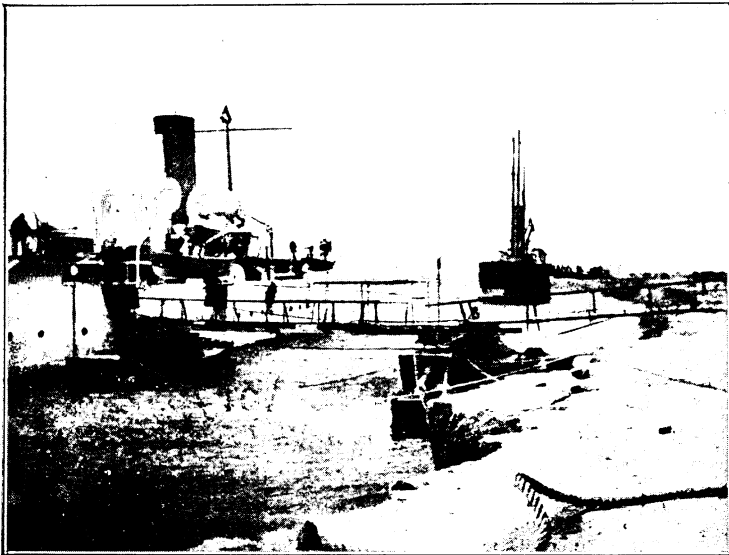

Н. ПОВАЛИШИНЪ.

НА МОРЕХОДНОЙ
КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКѢ

„ОТВАЖНЫЙ“

ВЪ ИНКОУ ВЪ 1900 ГОДУ.

Иудаъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1908.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Съ адмираломъ Того. Описаніе семимѣсячной дѣйствительной службы подъ его командой. *Н. С. Септингъ-Райтъ*. Съ рисунками и фотографіями автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Н. Л. Кладо*. Спб., 1907 г. 2 р. 50 к.

...мелкія черты быта японскихъ моряковъ, которыя разсыпаны по всему труду Райта, драгоцѣнны для интересующихся флотомъ нашихъ бывшихъ враговъ переводъ книги г. Райта заслуживаетъ привѣтствія

М. М-овъ. Литер. прил. къ «Русск. Инвал.» за 1908 г. № 1.

Великая осада. Портъ-Артуръ и его паденіе. Съ иллюстраціями и чертежами. Состав. *Б. В. Норригаардъ*. Перевелъ съ англійскаго. *Борисъ Серебрянниковъ*. Сиб., 1906 г. 2 р.

Авторъ [этой] интересной и серьезной книжки — корреспондентъ „Daily Mail“ при японской арміи.

Книга переведена хорошо и читается съ большимъ интересомъ. *Мих. Соколовскій. «Кавказская армія» 1908 г. № 5.*

На позиціяхъ Портъ-Артура. Изъ дневника ротнаго и баталіоннаго командира *А. Н. Голицынскаго*. 1907 г. Съ планомъ 80 к.

Пусть самъ читатель найдетъ и продумаетъ остальное изъ столь откровенно и правдиво записаннаго, свѣжаго боевого опыта, и мы увѣрены, что, познакоившись ближе съ драмой, совершившейся въ Артурѣ, по этимъ воспоминаніямъ строевого офицера, читатель, даже если онъ не былъ на войнѣ, воскликнетъ вмѣстѣ съ авторомъ слѣдующія заключительныя слова книги:

„Ужасы и эпизоды осады неизгладимой „чертой“ останутся на всю жизнь въ памяти каждаго, а затаенная горечь, досада и обида подвинутъ насъ къ тому, чтобы смыть этотъ позоръ“.

Ш—й. „Развѣдчикъ“ № 884.

Н. Повалишинъ

НА МОРЕХОДНОЙ

КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКѢ

„ОТВАЖНЫЙ“

ВЪ ИНКОУ ВЪ 1900 ГОДУ.

Иванъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1908.

2526.

Предисловіе.

23 Іюля 1900 года (года Китайской кампаніи) въ газетахъ появилось телеграфное извѣстіе о томъ, что 22 Іюля русскими войсками при содѣйствіи мореходныхъ кононерскихъ лодокъ „Отважный“ и „Гремящій“ занятъ городъ Инкоу или Ньючжуанъ въ Южной Манчжуріи. О томъ какія обстоятельства предшествовали и сопровождали это дѣло, а также и о самомъ фактѣ занятія этого города до сихъ поръ нигдѣ и ничего въ печати не появлялось. Если же и появилось гдѣ нибудь, то объ этомъ событіи говорилось весьма мало и какъ-то вскользь. И вотъ, какъ очевидецъ и участникъ этого дѣла, я собралъ всѣ свои личныя воспоминанія о всемъ пережитомъ за это время на лодкѣ „Отважный“, подкрѣпилъ данными, предоставленными мнѣ бывшимъ командиромъ лодки, а также его донесеніями, печатавшимися въ Морскомъ Сборникѣ, и рѣшилъ выпустить ихъ въ печать. Пусть эти воспоминанія еще разъ подтвердятъ міру о высокихъ качествахъ нашихъ скромныхъ героевъ солдатъ и матросовъ, Пусть, читая ихъ, молодые воины, еще разъ узнаютъ, какъ высоко держали честь русскаго знамени и честно исполняли свой долгъ предъ престоломъ и Родиной ихъ доблестные предшественники.

Въ заключеніе приношу глубокую признательность бывшему командиру лодки „Отважный“ Капитану 1 ранга К. К. Клапье Де-Колонгъ за предоставленныя мнѣ нѣкоторыя данныя, касающіяся описываемаго событія, и судовому врачу лодки К. П. Герцогъ за его прекрасныя фотографическіе снимки.

Н. П.

I.

Яркое апрѣльское солнце обливало своими лучами внутренній рейдъ Портъ Артура, Восточный бассейнъ съ военными судами, коммерческими пароходами и китайскими шампуньками, казалось, задремавшими на его гладкой зеркальной поверхности. Отражаясь прихотливыми тонами на каменистыхъ, окружающихъ рейдъ, горахъ, кое-гдѣ покрытыхъ зеленью, оно играло бѣлыми яркими бликами на стѣнахъ домовъ стараго города. Легкая сизая дымка заволакивала отдаленные холмы. Мореходная канонерская лодка „Отважный“ стояла ошвартовившись у западной стѣнки Восточнаго бассейна. Былъ 1-ый часъ дня—время посвященное на военныхъ судахъ отдыху, а потому на лодкѣ не было замѣтно обыкновеннаго оживленія. Матросы притулившись въ разныхъ уголкахъ палубы, гдѣ было потѣнистѣе, спали въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Бодрствовали лишь два часовыхъ подѣ флагомъ и гюйсомъ, два сигнальщика, да вахтенный унтеръ-офицеръ. Вахтенный начальникъ лѣнливо ходилъ по шканцамъ, искренно завидуя товарищамъ, отдохавшимъ теперь въ своихъ прохладныхъ каютахъ. Выйдя случайно на палубу, я замѣтилъ на шканцахъ казака верхнеудинца, что-то докладывающаго вахтенному начальнику. Подойти и полюбопытствовать было дѣломъ одной минуты: оказалось, что командующій войсками В.-Ад.

Алексѣевъ прислалъ этого казака доложить командиру лодки, что онъ немедленно просить его прибыть во дворецъ. Не прошло $\frac{1}{4}$ часа, какъ командиръ лодки, капитанъ 2 ранга Клапье де Колонгъ, поспѣшно вышелъ изъ каюты и на той же шампунькѣ съ казакомъ поѣхалъ къ адмиралу. Окончивъ всѣ дѣла на лодкѣ, я, такъ какъ не предвидилось ничего впереди, съѣхалъ на берегъ, думая провести нѣсколько часовъ въ знакомомъ домѣ, предварительно предупредивъ вахтеннаго начальника о томъ, гдѣ буду, дабы въ случаѣ, если почему либо понадобится на лодкѣ, меня могли бы легко найти. Обычай говорить о томъ, кто куда идетъ на берегъ, существовалъ на нашей лодкѣ и поэтому командиръ не рисковалъ, въ случаѣ внезапнаго ухода или внезапной надобности въ комъ либо изъ офицеровъ не найти нужнаго ему изъ нихъ въ любую минуту. Впрочемъ обычай существовалъ лишь для формы: насъ было на лодкѣ такъ мало и мы, плавая долго вмѣстѣ, такъ близко знали привычки и интересы другъ друга, а также общихъ знакомыхъ въ городѣ, что безъ ошибки всѣ знали, гдѣ и кто изъ насъ проводить свое свободное время на берегу. Всѣ еще сидѣли за столомъ въ гостяхъ у моихъ добрыхъ знакомыхъ, какъ вошелъ деньщикъ хозяина дома и доложилъ, что съ „Отважнаго“ прибѣжалъ матросъ съ приказаніемъ немедленно вернуться на лодку. Извинясь передъ хозяйкой, я всталъ изъ за стола и вышелъ на дворъ, гдѣ деньщикъ, оживленно жестикулируя, разговаривалъ съ посланнымъ матросомъ. „Въ чемъ дѣло?“ спросилъ я—„Такъ что Ваше Высокоблагородіе командиръ приказалъ, чтобы всѣ господа офицеры вернулись скорѣе на лодку. Надо быть, въ походъ идемъ. Въ машинѣ уже начали разводить пары, когда меня послали!“ Хотя въ морской службѣ, полной неожиданностей,

такіе сюрпризы не рѣдки, однако, сообщеніе это меня очень удивило. Очевидно было—идемъ. Куда, Зачѣмъ? На маневры? Да нѣтъ, не можетъ быть? они назначены лишь черезъ 2 дня. Что за внезапный походъ? Но отвѣтить себѣ на всѣ эти вопросы, промелькнувшіе въ головѣ, я никакъ не могъ. Одно только неопровержимо: надо идти на лодку и скорѣе. Попрощавшись съ радушными хозяевами, я, такъ и не докончивъ обѣда, почти бѣгомъ отправился на Адмиральскую пристань, вскочилъ въ первую попавшуюся шампуньку и черезъ 5 минутъ былъ уже на палубѣ лодки. Тамъ полный авралъ... Шлюпки поднимаютъ, провизію принимаютъ. Пары уже готовы. Чахлы на все одѣты. Всѣ ходятъ въ недоумѣніи, куда идемъ и зачѣмъ? Сунулись было къ командиру, но тотъ не удовлетворилъ общему любопытству и, всегда общительный, былъ видимо озабоченъ и серьезенъ. Не весело было ни офицерамъ, ни командѣ уходить изъ Портъ Артура, гдѣ мы простояли всего 2 съ небольшимъ недѣли. Разсчитывали отдохнуть и освѣжиться послѣ утомительной 3-хъ мѣсячной стоянки на станціи въ Чемульпо и жестокой трепки, испытанной лодкою, на переходѣ изъ Нагасаки въ Артуръ, переходѣ совершенномъ вмѣсто 2-хъ сутокъ въ 7, чѣмъ очень встревоженъ былъ командующій эскадрою, разославшій суда во всѣ концы насъ отыскивать. 1-го Апрѣля къ ночи мы благополучно дошли до Артура, отговѣли на „Сысоѣ Великомъ“, встрѣтили Свѣтлый праздникъ, думали, повторяю, немного встряхнуться и вдругъ походъ внезапный, да еще и полный таинственности. Наконецъ все готово, швортовы отданы. „Малый впередъ“!... Винты всколыхнули воду и лодка, въ 7 час. 15 м. веч., плавно вышла изъ бассейна, миновала Тигровый хвостъ и, прибавивъ ходу до 10 узловъ, пошла на S^{кв}. „Ну вотъ

думали мы, пройдемъ Ляотешанскій маякъ тутъ и должна, хотя отчасти разгадаться тайна. Куда повернуть: направо, налѣво или пойдутъ прямо на югъ? Маякъ близко... Командиръ собралъ насъ офицеровъ и объявилъ намъ, что, вслѣдствіи безпорядковъ производимыхъ китайцами на Манчжурской желѣзной дорогѣ, лодка посылается въ Инкоу или Ньючжуанъ охранять имѣющійся тамъ русскій поселекъ и городъ отъ мятежниковъ. „Какъ знать чего не знаешь!“ прибавилъ онъ обращаясь ко мнѣ. „Придется пожалуй Вамъ холостые заряды замѣнить боевыми!“ Ляотешанъ прошли... Стемнѣло... Лодка, опредѣлившись по маяку, обогнула Ляотешанскій полуостровъ, вошла въ воды Ляодунскаго залива, взяла курсъ ко входу въ рѣку Ляохэ и, прибавивъ ходу до 12-ти узловъ, быстро пошла впередъ, прорѣзывая своими отличительными огнями темноту апрѣльской тихой ночи. Офицеры долго еще сидѣли въ каютъ-компаніи, разсуждая о предстоящихъ событіяхъ и только пробившія 7 склянокъ (11 час. 30 м. ночи) заставили всѣхъ разойтись по каютамъ, остался лишь одинъ лейтенантъ, допивавшій свой послѣдній стаканъ чаю и докуривавшій послѣднюю папиросу, послѣ чего и онъ вышелъ изъ каютъ-компаніи на верхъ смѣнить товарища и вступить на такъ называемую собачью вахту (съ 12—4 ч. утра), хотя при данной тихой и теплой погодѣ это названіе было болѣе чѣмъ несправедливо. Съ его уходомъ каютъ-компанія окончательно опустѣла.

Въ 7 час. утра слѣдующаго дня, 18 апрѣля открылся плавучій маякъ и вдали стали обрисовываться при легкой пасмурности низкіе берега устья рѣки Ляохэ, на берегу которой расположено г. Ньючжуанъ или Инкоу. Спустя нѣсколько времени, лодка, изъ зеленовато-синихъ водъ Ляодунскаго залива вступила въ грязно-желтыя воды устья

Ляохе, уменьшила ходъ и, поднявъ лопманскій флагъ, стала пробираться дальше, руководствуясь входными плавучими баканами. Вскорѣ, съ крейсирующаго здѣсь лопманскаго бота, отвалила шлюпка, и черезъ нѣсколько минутъ, ловко справившись съ теченіемъ, пристала къ борту и изъ нея поднялся на палубу весьма корректный англичанинъ лопманъ М-г Smith, который вѣжливо раскланявшись съ бывшими на палубѣ офицерами, живо взбѣжалъ на передній мостикъ, по военному отдалъ честь, находившемуся тамъ Командиру и принялъ управленіе лодкой. Ходъ увеличили и лодка пошла вверхъ по рѣкѣ. Идя въ Инкоу, мы рассчитали придти туда въ моментъ прилива, чтобы перейти баръ. Отливъ еще не начинался и, идя вверхъ по рѣкѣ, теченія почти не было замѣтно. Непривѣтливы и унылы берега Ляохэ! Илистые отмели, камыши и лишь кое-гдѣ одиноко растущія деревья.

У самаго устья на правомъ берегу, если смотрѣть, вступая въ рѣку съ моря, стоитъ старый фортъ, хотя по внѣшнему виду издали и очень внушительный, но теперь вполне безобидный и полуразрушенный. Но будь онъ въ силѣ и порядкѣ, онъ былъ бы грознымъ стражемъ входа въ рѣку, господствуя надъ всею окрестностью. На другомъ берегу почти противъ форта виднѣлись зданія, такъ называемаго, „Англійскаго вокзала“, конечнаго пункта желѣзной дороги, идущей на Шанхай Гдань, Тонку и дальше. Продолжаемъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, которая дѣлаетъ скорѣ поворотъ вправо и приближаемся къ китайскому Ньючжуану, раскинувшемуся по лѣвому берегу рѣки. Ньючжуанъ, какъ и всѣ китайскіе города, представляетъ кучу домовъ, имѣетъ одну, двѣ улицы довольно прямая, а затѣмъ — лабиринтъ переулковъ, проходовъ и прямо щелей между домами, гдѣ для того, чтобы не заблудиться недоста-

точно кажется употребить цѣлый мѣсяцъ для изученія мѣстной географіи. Городъ тянется вдоль берега верстъ на 5, а вглубь материка—верстъ на 3 или 4. Пройдя вдоль всего Китайскаго города, придерживаясь лѣваго болѣе приглубаго берега, приблизились мы наконецъ къ европейскому Ньючжуану, и отдавъ якоря на глубинѣ 7 сажень стали въ 10 часовъ 15 мин. утра на фертоингъ противъ зданія Таможни. На набережной уже толпились жители европейцы, предувѣдомленные о приходѣ лодки сигналомъ поднятымъ на мачтѣ у Таможни. Когда здѣсь замѣтятъ идущее судно сигнальщики съ таможенной выпшки, то поднимаютъ на мачтѣ условный сигналъ: если судно военное, то черный четырехугольникъ съ бѣлымъ кругомъ, а если коммерческое, то черный четырехугольникъ, шаръ или конусъ, смотря по роду идущаго судна. Кромѣ того въ обоихъ случаяхъ надъ этимъ сигналамъ поднимается флагъ націи, которой оно принадлежитъ. Стали мы весьма близко отъ берега, такъ что при перемѣнѣ теченія корма лодки находилось всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ набережной. Это здѣсь весьма возможно и исполнѣ безопасно, такъ какъ, какъ я уже говорилъ ранѣе, лѣвый берегъ весьма приглубъ и глубина у самаго берега доходитъ до 4-хъ съ лишнимъ сажень. Вообще поперечный разрѣзъ рѣки представляетъ собою прямоугольный треугольникъ, положенный на уголъ противоположный прямому углу, такимъ образомъ, что гипотенуза представляетъ собою дно рѣки, большой катетъ поверхность воды, а малый катетъ — обрывистый лѣвый берегъ. Пользуясь близостью берега, мы имѣли полную возможность разсмотрѣть городъ снаружи. Онъ весьма не великъ; изъ зданій достойны вниманія зданіе таможни, Католическій соборъ, Кумирня, зданіе Ямыня и нѣсколько домовъ, обще-принятой на востокѣ

постройки, расположенныхъ вдоль набережной по направленію отъ таможни къ Китайскому городу. Эта часть набережной еще въ первобытномъ видѣ, т. е. ничѣмъ не облицована и съ каждымъ днемъ все становится уже, такъ какъ вода при большомъ господствующемъ здѣсь теченіи подмываетъ берегъ, но все же противъ этого приняты кое какія мѣры вродѣ вбитыхъ свай. На этой набережной въ домахъ находятся магазины, лавки и одинъ изъ домовъ занятъ гостиницей англичанина Edgara. Какъ видно впослѣдствіи будетъ, этотъ Edgar принималъ также дѣятельное участіе въ оборонѣ города. Другая часть набережной отъ таможни вверхъ по рѣкѣ, т. е. налѣво, носитъ слѣды большей заботливости. Она ограждена откосами, замощенными булыжникомъ и обита сваями, потому болѣе долговѣчна. Вдоль набережной устроенъ бульваръ, любимое, но единственное, кажется, мѣсто гулянья Инкоунцевъ. Въ концѣ бульвара стоитъ зданіе Русско-Китайскаго банка и домъ одного изъ директоровъ его M-r Mac—Calm.—Вотъ и все, что удалось намъ разсмотрѣть съ палубы лодки, на которой въ это время происходили визиты Консуловъ: русскаго (А. Н. Островерхова) и другихъ. Гремѣли салюты и поднимались и спускались по мѣрѣ ихъ пріѣзда и отъѣзда флаги ихъ націй.—Но недолго пришлось намъ простоять у европейскаго Ньючжуаня. Командиръ, пріѣхавъ отъ Консула, привезъ извѣстіе, что такъ какъ лодка прислана исключительно для охраны русскаго участка желѣзной дороги, находящагося еще версты на 3 выше по теченію, то она должна перейти туда. На другой день утромъ снялись съ фертоинга и пошли къ мѣсту своей новой стоянки.

II.

Наконецъ мы у Русскаго Участка. Какъ только мы отдали якоря и завезли на берегъ стальные швортовы, чтобы при перемѣнѣ теченія не ворочатся, на лодку пріѣхали представители Русскаго поселка, во главѣ съ главноуполномоченнымъ Русскаго общества Краснаго Креста и начальникомъ противочумнаго отряда С. В. Александровскимъ *), есауль Ив. Ив. Димитренко въ живописной формѣ кубанскаго Войска, ротмистръ Л.-Гв. Уланскаго полка Маркозовъ и другіе. С. В. Александровскій отъ лица всѣхъ русскихъ, заброшенныхъ въ эту отдаленную мѣстность, привѣтствовалъ насъ съ приходомъ и тутъ-же пригласилъ Командира и офицеровъ на обѣдъ, имѣющійся быть въ тотъ-же день въ общежитіи санитарнаго отряда. Еще не зная насъ, эти милые люди такъ радушно къ намъ отнеслись, что неудовольствіе наше, вызванное внезапнымъ уходомъ изъ Портъ-Артура, начало мало по малу разсѣиваться, а съ теченіемъ времени и вовсе исчезло, среди окружившихъ насъ, чисто русскихъ хорошихъ людей. Воспоминаніе о нихъ всегда будетъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ въ жизни. Теперь, встрѣтаясь съ нѣкоторыми спустя много лѣтъ въ Петербургѣ, вновь переживаешь въ разговорахъ и воспоминаніяхъ дни, проведенные въ такъ не желанномъ, но затѣмъ ставшемъ дорогимъ, русскомъ участкѣ Инкоу.—Между тѣмъ на берегу, въ ожиданіи сѣзда командира, который, являлся теперь высшимъ военнымъ начальникомъ Участка, выстроился взводъ отъ нижнихъ чиновъ Охранной стражи Восточно-Китайской желѣзной дороги, въ мохна-

*) Впослѣдствіи пензенскій губернаторъ, погибшей отъ руки террориста.

гомъ сдѣлалось безпрепятственнымъ, независимо отъ теченія. Шлюпки подняли, вымыли и больше онѣ не употреблялись до самаго конца нашего пребывания у Русскаго Участка, кромѣ рѣдкихъ случаевъ шлюпочнаго ученія. 23 Апрѣля въ день Тезоименитства Государыни Императрицы Александры Θεодоровны былъ молебенъ. Служилъ священникъ охранной стражи; по окончаніи молебна произвели салютъ, послѣ котораго былъ завтракъ въ каютъ-компаніи; на него были приглашены присутствовавшіе на молебнѣ: С. В. Александровскій, Ив. Ив. Димитренко съ супругой и весь составъ маленькой русской Инкоуской колоніи. У матросовъ были также гости: чины охранной стражи. Съ 24 Апрѣля пошла обыденная судовая жизнь съ ея ученіями и занятіями. Вечера же проводили въ мирныхъ бесѣдахъ и порою игрѣ въ карты у Ив. Ив. и Ел. Гр. Димитретко, гдѣ былъ, благодаря ихъ радушію и гостепріимству, сборный пунктъ всей маленькой колоніи, къ которой примкнули и мы. Нѣсколько осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, мы, благодаря любезности С. В. Александровскаго, имѣли случай подробно ознакомиться съ устройствомъ подвѣдомственнаго ему санитарнаго пункта для борьбы съ чумою. Прекрасно оборудованный пунктъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, а именно: общеджитія, знакомаго уже намъ по обѣду дома, гдѣ жили Ив. Ив. Димитренко, докторъ Стежинскій и Кириковъ, Амбулаторнаго пункта, аптеки и бани съ дезинфекціонной камерой. Баня эта представляетъ собою длинное зданіе, при чемъ въ серединѣ его помѣщается собственно баня, а по обѣимъ концамъ если можно такъ выразиться, раздѣвальня и одѣвальня.—Китайцы рабочіе вводились сразу въ раздѣвальню, гдѣ оставляли свою одежду, затѣмъ вступали въ баню, гдѣ мылись на скамьяхъ и во

множествѣ чановъ, и потомъ уже выходили въ одѣвальню, гдѣ получали уже продезинфицированное платье. Но прежде, чѣмъ окончательно очиститься въ банѣ, китайцы рабочіе загонялись въ большой огороженный четырехугольный дворъ, гдѣ и подвергались предварительному осмотру.—Вышеозначенной баней пользовались и наши матросики по любезному предложенію милѣйшаго Сергѣя Васильевича Александровскаго—чему они были весьма рады, такъ какъ русскому матросу въ плаваніи баня — праздникъ. Кромѣ вышепоименованныхъ зданій Санитарнаго пункта, выше на рѣкѣ находились зданія Восточно-Китайской желѣзной дороги: домъ инженера Титова, локомотивное депо, вагонныя мастерскія, лавочки Чурина и Кондакова, домикъ телеграфа и строящаяся деревянная церковь. Крайнимъ зданіемъ, за локомотивнымъ депо въ совершенно изолированномъ отъ другихъ зданій мѣстѣ, стояла на берегу рѣки лабораторія чумнаго пункта, охраняемая часовыми охранной стражи. Кто строилъ эти зданія не знаю, но, очевидно, что этотъ строитель не имѣлъ понятія о томъ, что разбрасывая зданія на большія разстоянія одно отъ другого, за исключеніемъ зданія лабораторіи, въ такой безпокойной мѣстности, онъ подвергалъ ихъ большой опасности быть вырѣзанными по одиночкѣ, потому что сосѣди, если можно такъ назвать жившихъ другъ отъ друга на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты людей, не только не выручать изъ бѣды, но даже не услышать. Большой грѣхъ взялъ на свою душу этотъ недалновидный строитель. Конецъ апрѣля и первая половина мая прошли тихо и мирно, по прежнему въ занятіяхъ, ученіяхъ, посѣщеніи нашихъ охраняемыхъ земляковъ, не забывавшихъ и насъ и изрѣдка заходившихъ къ намъ вечеромъ на огонекъ. Такъ называли мы чаепитіе на палубѣ

лодки въ теплые майскіе вечера. Нѣкоторые офицеры, а именно мичманъ П. М. Пленъ, механикъ В. В. Лѣсниковъ и поручикъ Л.-Г.в. Семеновскаго полка Лялинъ предприняли даже экспедицію вверхъ по рѣкѣ на шлюпкѣ съ лодки. Уѣхавъ рано утромъ они возвратились поздно вечеромъ, уставшими въ борьбѣ съ теченіемъ. Мы не мало беспокоились за нихъ, видя, что они долго не возвращаются, но къ счастью они вернулись цѣлыми и невредимыми и больше ужъ никакихъ такихъ экспедицій не предпринимали. Съ 20 Мая, чтобы сколько нибудь скрасить однообразную жизнь команды, устраивались послѣ занятій и по праздникамъ игры въ foot-bol, бѣга, борьба и городки и т. д.

Въ послѣдней игрѣ принимали участіе офицеры и мужское населеніе участка. Причемъ отличался и С. В. Александровскій, несмотря на свою сравнительную полноту. Игры обыкновенно происходили на берегу у мѣста стоянки, для дамъ выносился столъ и подавался чай. Однимъ словомъ, всѣ жили дружно, чувствовали себя бодро и смѣло глядѣли за всѣми, могущими встрѣтиться, случайностями на нашемъ отвѣтственномъ посту, съ котораго мы, что-бы ни случилось, какъ часовой безъ смѣны и разводящаго,—уйти не могли. 27 Апрѣля провожали уѣзжавшаго въ отпускъ Россійскаго Консула г-на Тимченко-Островерхова, причемъ Англійская колонія и прочіе иностранцы чествовали его обѣдомъ въ городѣ Ньючжуанѣ, на которомъ присутствовали командиръ нашъ съ нѣсколькими офицерами. За обѣдомъ пѣли пѣсенники съ лодки. Обѣдъ, какъ всѣ вообще международные обѣды, прошелъ довольно вяло и мы вернулись къ мѣсту стоянки, пользуясь приливнымъ теченіемъ, на китайской шампункѣ. Шестого Мая въ день Рожденія Государя Императора у насъ былъ опять мо-

лебенъ, затѣмъ салютъ по уставу, а вечеромъ обѣдъ и спектакль. Обѣдъ былъ сервированъ по случаю тепла на верхней палубѣ. Столъ убранъ былъ полевыми цвѣтами и освѣщался электрическими — лампочками въ канделябрахъ сдѣланныхъ изъ связанныхъ 3-хъ револьверовъ. На ютѣ была устроена гостиная, освѣщенная разноцвѣтными лампочками, устланная коврами, заставленная мягкой мебелью и столиками. Тенты и борта были затянуты флагами. Все имѣло праздничный, очень красивый и оригинальный видъ. На шканцахъ была устроена импровизированная сцена съ занавѣсомъ и всѣми сценическими атрибутами. Наши матросики: комендоръ 6-ти дюймовой пушки Бѣльцовъ, машинистъ Васильевъ и матросъ Чурдалевъ дружно и весело разыграли одноактную пьеску Щеглова „Бѣлыя ночи“. Въ каютъ-компаніи былъ открытый буфетъ. Въ двѣнадцатомъ часу гости, какъ было замѣтно очень довольные, разошлись, мы же еще больше были довольны тѣмъ, что удалось отплатить нашимъ Инкоускимъ хозяевамъ за ихъ радушіе, и всегдашнее гостепріимство. Даже и въ устройствѣ спектакля не обошлось безъ помощи милыхъ Елены Григорьевны и Ивана Ивановича Димитренко, одолжившихъ первая—женское платьѣ для матроса, игравшаго женскую роль, а 2-й—уличный фонарь, фигурировавшій на сценѣ.

III.

Но повидимому нашей спокойной жизни приходилъ конецъ. Уже сравнительно недалеко отъ Инкоу въ 25 верстахъ на желѣзнодорожной станціи въ мѣстечкѣ Дашичао въ ночь съ 6-го на 7-ое Мая было произведено нападеніе мятежниковъ на складъ

съ медикаментами чумнаго отряда, съ цѣлью ограбленія и произведенъ поджогъ лѣснаго склада желѣзной дороги. Туда были посланы казаки охранной стражи и два паровоза для водворенія порядка и тушенія пожара. Въ то же время нѣсколько далѣе, приблизительно за 100 верстъ, на станціи Ванфангъ были случаи убійства русскихъ рабочихъ и одной женщины, а днемъ 7 Мая сотня вооруженныхъ хунгузовъ высадилась въ 80 верстахъ отъ Инкоу вверхъ по рѣкѣ. Для встрѣчи и прогнанія ихъ пошелъ отрядъ охранниковъ съ офицеромъ. Такимъ образомъ, кромѣ лодки, защитниками Инкоу остались около полусотни охранниковъ-казаковъ при офицерѣ, уже извѣстномъ поручикѣ Щекинѣ. Положеніе начинаетъ становиться съ каждымъ днемъ тревожнѣе и тревожнѣе.

Желѣзнодорожные служащіе съ разныхъ болѣе удаленныхъ участковъ до самаго Дапичао бросаютъ службу и уходятъ съ участковъ, боясь нападенія мятежниковъ и не имѣя достаточно средствъ для обороны. Отъ переводчика прикомандированнаго къ чумному отряду узнаемъ, что составилось общество такъ называемаго „Большого Ножа“, „Больного Кулака“ или какъ ихъ принято называть общимъ именемъ „Боксеровъ“, по китайски Ихетуань (Дружина правды и согласія) стремящееся изгнать и уничтожить Европейцевъ въ Китаѣ и даже вступающее въ борьбу съ правительственными войсками, посылаемыми для ихъ усмиренія, причемъ послѣднія нерѣдко терпятъ пораженія отъ этихъ, хотя и неорганизованныхъ, но многочисленныхъ шаекъ. Наконецъ „Боксеры“ появились и въ самомъ городѣ Инкоу, но агрессивныхъ дѣйствій не предпринимали. Даотай же для безопасности города вызвалъ войска изъ Ляояна въ помощь гарнизону Инкоу.—Вскорѣ наступило время

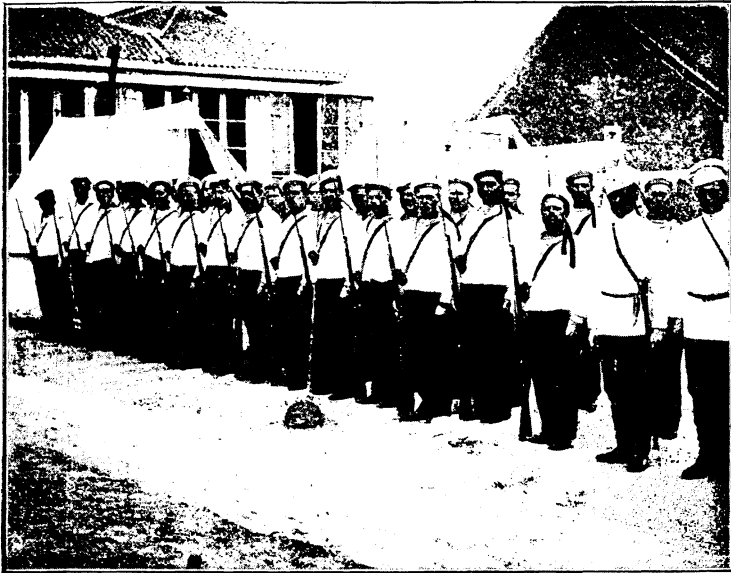
ярмарки. Городъ переполнился китайцами. Китайскія празднества вообще, а тѣ, которыми сопровождаются ярмарки въ особенности,—имѣютъ шумный характеръ. Жгутъ потѣшныя огни, хлопаютъ хлопушки, стрѣляютъ изъ ружей и проч. Въ данное переживаемое тревожное время каждый выстрѣлъ отзывается въ сердцахъ безоружнаго русскаго населенія и прочихъ европейцевъ. Особенно же ночью эти выстрѣлы имѣли еще болѣе зловѣщій характеръ. Такимъ образомъ, мятежники, какъ видно все ближе и ближе подвигались къ намъ. На лодкѣ между тѣмъ не дремали. Судовой караулъ былъ всегда въ полной готовности бѣжать во главѣ съ офицеромъ на каждый подозрительный шумъ или выстрѣлъ. Обыкновенно съ карауломъ шелъ подвахтенный офицеръ, который спалъ не раздѣваясь, имѣя подъ рукой саблю и револьверъ. Прожекторъ лодки „всевидящій глазъ“, какъ звали его китайцы, всегда былъ готовъ освѣтить окрестности. — Для успокоенія жителей участка, занимавшихъ, какъ я уже ранѣе говорилъ, разбросанные другъ отъ друга дома,—въ каждый домъ было дано по приказанію командира по нѣсколько фальшфейеровъ. Въ случаѣ внезапнаго нападенія каждый домъ могъ дать объ этомъ сигналъ, зажегши фальшфейеръ,—и немедленно съ лодки полетѣла бы къ нему помощь. Да тревожные были дни! Сигнальщики напрягали все свое зрѣніе, весь слухъ при малѣйшемъ шумѣ. Нервы были напряжены, кто спалъ, тотъ спалъ, что называется на одно ухо и при малѣйшемъ стукѣ на палубѣ или громкомъ разговорѣ, ноги сами собой спускались съ койки. Помню, однажды—это было около 1 ч. пополночи—я, будучи подвахтеннымъ, лежалъ и спалъ на койкѣ въ каютѣ. Каютъа моя была рядомъ съ каютой старшаго офицера капитана 2 ранга Э. Э. Кетлера.

Было тепло, люкъ каютъ-компаніи былъ открытъ. Вдругъ сквозь сонъ слышу докладываетъ сигнальщикъ вахтенному начальнику „Ваше Благородіе, на участкѣ пожаръ, но что горить, не видно“. Я уже проснулся и слушаю: „Вахтенный! поди доложи старшему офицеру, что на участкѣ у желѣзной дороги пожаръ“—приказываетъ вахтенный начальникъ вахтенному унтеръ-офицеру. „Караулъ въ ружье!“ командуетъ онъ далѣе, и затѣмъ слышу топотъ ногъ по трапу. Я уже сижу на койкѣ и натягиваю сапоги. „Ваше Высокоблагородіе, Ваше Высокоблагородіе! — будить вахтенный квартирмейстеръ старшаго офицера,—горить на участкѣ“. Старшій офицеръ, спавшій, какъ спятъ моряки въ морѣ и во время тревоги, моментально вскочивъ и сказавъ: „Доложи лейтенанту II!“—быстро вышелъ на верхъ; вахтенный квартирмейстеръ бросился ко мнѣ въ каюту, но я уже выходилъ изъ нея. Оправляя саблю и осматривая револьверъ, выбѣжалъ я на палубу. Выстроившійся караулъ уже ждалъ. Лязгали примыкаемые штыки. Пересчитать людей и опросить у всѣхъ ли патроны, было минутнымъ дѣломъ и нашъ маленькій отрядъ бѣгомъ бросился къ мѣсту пожара. Но тревога оказалась напрасной: домъ сгорѣлъ отъ неосторожности, а не отъ поджога, такъ что скоро мы вернулись на лодку. Уже свѣтало. Далекія горы алѣли, облитыя розовыми лучами восходящаго солнца. Наступалъ день. Днемъ было спокойнѣе, но за то рѣдкія ночи проходили безъ тревогъ. Несмотря на всѣ эти тревоги, жизнь и дѣятельность чумнаго отряда шла своимъ чередомъ. Приходившіе китайцы рабочіе осматривались, ихъ мыли, дезинфицировали какъ прежде. За время съ 23 Апрѣля по 8-ое Мая ихъ прошло черезъ пунктъ около 34000 человекъ. Какъ то разъ передъ приходомъ

большой партіи китайскихъ рабочихъ дали знать, что среди нихъ имѣются вооруженные, оружіе которыхъ спрятано у нихъ же въ мѣшкахъ съ одеждой и провизіей, и что среди нихъ находится одинъ изъ главарей боксерской пайки. Это было вечеромъ. Ихъ всѣхъ заперли въ огороженномъ мѣстѣ, о которомъ я выше упоминалъ, и всю ночь освѣщали прожекторомъ. На утро одновременно съ ихъ осмотромъ, была выведена на берегъ рота матросовъ съ ружьями, якобы для производства ученія, однако всѣ были снабжены боевыми патронами.

Осмотръ прошелъ благополучно, но къ сожалѣнію тотъ о которомъ говорили, успѣлъ, видимо предупрежденный, бѣжать, зарывъ, какъ оказалось въпослѣдствіи оружіе въ ямѣ въ углу двора. Такъ текла наша жизнь до 3-го Іюня,—времени, когда лодка вступила въ новый фазисъ своей дѣятельности. 3 Іюня въ 10 утра, получивъ телеграмму отъ Командующаго морскими силами перейти къ европейской части г. Инкоу, мы съ приливомъ снялись съ якоря, провожаемые нашими милыми [соотечественниками. Тяжело было уходить, зная, что съ уходомъ лодки, шансы обороны русскаго участка сильно уменьшились. Тамъ осталось для охраны 20 казаковъ, 35 пѣшихъ охранниковъ и при нихъ одинъ офицеръ. Но что дѣлать! надо исполнять полученное приказаніе. Около 4-хъ часовъ дня подошли къ городу и стали на якорь на томъ же мѣстѣ, откуда ушли 6 недѣль тому назадъ. Командиръ, по совѣшанію съ Консуломъ, предупредилъ Даотая, что для защиты русскихъ подданныхъ живущихъ въ городѣ и прочихъ европейцевъ будетъ свезенъ десантъ и 4-го Іюня въ 11 часовъ утра отправилъ на берегъ 26 человекъ матросовъ при лейтенантѣ Пленѣ. Десантъ расположился бива-

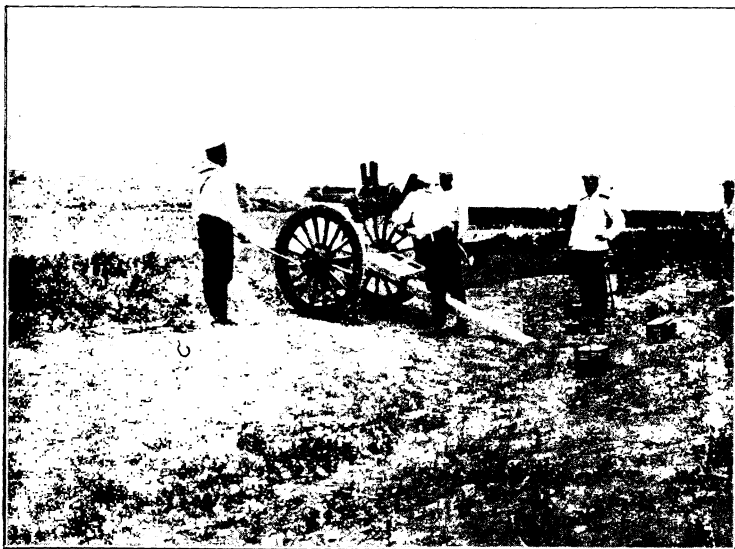
комъ на дворѣ русскаго консула въ палаткахъ, любезно данныхъ санитарнымъ отрядомъ и выставилъ отъ себя посты: 1) у зданія Русско-Китайскаго банка, изъ котораго впослѣдствіи все деньги были перевезены для сохраненія на лодку, такъ что наша штурманская рубка обратилась на время

Дессантъ съ „Отважнаго“ и консульскіе казаки.

въ отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, 2) у квартиръ служащихъ банка и 3) у госпиталя. Кромѣ этой горсти людей, не знающихъ отдыха ни днемъ ни ночью, такъ какъ черезъ каждые 2 часа ходить по городу патруль, а въ случаѣ тревоги выбѣгаетъ и весь составъ дессанта, въ распоряженіи мичмана Плена была и кавалерія: 5 казаковъ Верхнеудинскаго полка, находившихся при Русскомъ консульствѣ и 9 человекъ охранной стражи караула

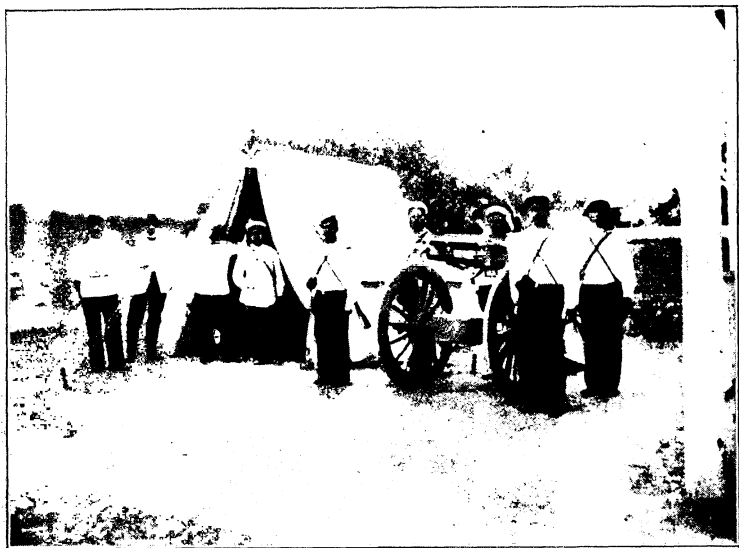
при Русско-Китайскомъ банкѣ. И такъ наши силы на берегу состояли изъ пѣхоты 9 чел., моряковъ 26 и кавалеріи 5 чел. Не хватало только артиллеріи. Думали, думали откуда намъ ее добыть. Осматривали старую чугунную пушку заряжающуюся съ дула, стрѣляющую въ полдень и рѣшили

Испытаніе самодѣльнаго лафета.

ее пустить въ дѣло, причемъ картечь должна была состоять изъ пуль и кусковъ свинца, заключенныхъ въ жестяную оболочку, или вѣрнѣе въ цилиндрическую коробку изъ подъ консервированнаго зеленого горошка. Командиръ просилъ доставить 2½ пушку Барановскаго изъ Портъ Артура, но когда то ее еще доставятъ. И такъ какъ чугунная пушка не могла считаться особенно полезной, я не дожидаясь присылки пушки изъ Портъ-Артура приспособилъ одну изъ пушекъ лодки: револьверную 37^m/_m пушку

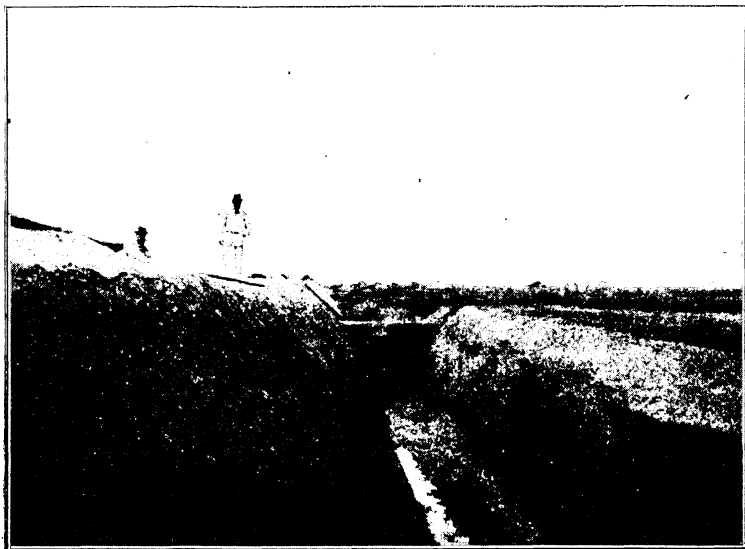
Гочкиса на самодѣльный лафетъ, приготовленный изъ 2-хъ колесъ китайской телѣги съ хоботомъ изъ шпаль. Всѣ желѣзныя скрѣпленія сдѣлала машинная команда лодки. Когда было все готово я свезъ ее на русскій участокъ, пробовалъ стрѣльбою и передалъ въ десантъ, благословивъ свое дѣтище

37 пушка Гонкисса, поставленная на самодѣльной лафетѣ.

съ честью послужить во славу русскаго оружія. Теперь въ Инкоу европейцевъ прибавилось. Сюда стеклись всѣ бѣжавшіе европейцы служащіе на Англійской дорогѣ, сѣвернѣе Шангайгуана, преслѣдуемые своими же рабочими, жгущими станціи и разрушающими путь. Пришло извѣстіе о взятіи фортовъ Таку и бояхъ у Тянзина и другихъ событіяхъ Печелійской провинціи. И такъ значитъ война! настоящая война! Очевидно, регулярныя войска заодно съ ихетуанцами. Мы одни здѣсь. Смѣны

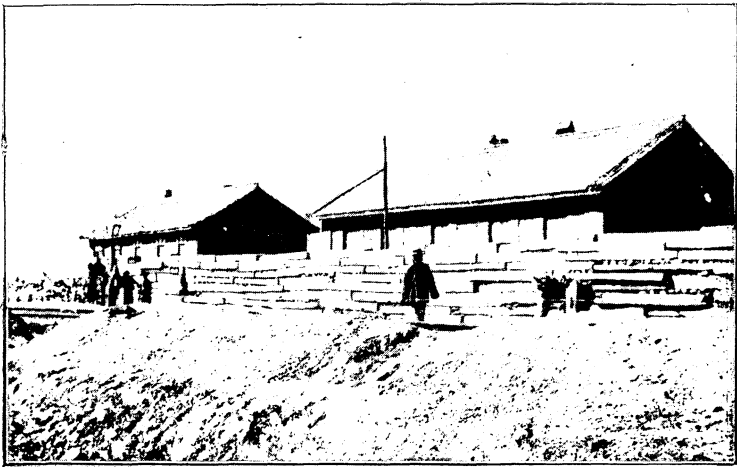
намъ не будетъ. Ожидать можно всего. Приготовили лодку къ бою. Минные аппараты окутаны тросомъ, надъ машиной сдѣланы сѣтки противъ осколковъ, всѣ необходимые механизмы какъ то: воздушный насосъ, пожарная помпа и динамомашинна защищены броневыми листами. Паровой

Укрѣпленія русскаго участка.

катеръ стоитъ въ готовности съ миннымъ метательнымъ аппаратомъ. Ожидаемъ атаки непріятельскихъ миноносцевъ. Наше затруднительное положеніе увеличивается теченіемъ и извилистымъ мало извѣстнымъ фарватеромъ. На якорѣ принять бой немислимо, а якоря поднять будетъ некогда, а потому готовы расклепать канаты. На ночь на лодку пріѣзжаетъ М. Logenzen, нанятый лоцманъ, дабы можно было идти во всякое время. Команда у орудій. Орудія заряжены. Стоимъ на 3 вахты за малымъ

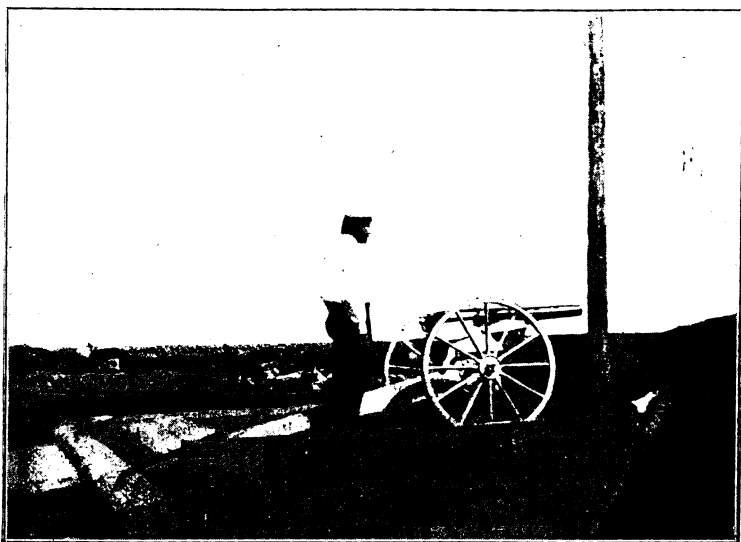
числомъ офицеровъ. Ночью всѣ спятъ съ оружіемъ наверху. Барабанщикъ съ барабаномъ въ объятіяхъ, чтобы немедленно вскочивъ, бить тревогу. Вотъ картина судовой жизни; на берегу не лучше. Каждую ночь женщины и дѣти при выстрѣлѣ или малѣйшей тревогѣ бѣгутъ въ таможену. Рѣшено въ случаѣ

Домъ И. И. Дмитренко, окруженный валомъ изъ шпаль.

нападенія и, если малочисленный десантъ не осилить непріятеля, отступать къ таможенѣ, прикрывая женщинъ и дѣтей, которыхъ на барказѣ лодки перевозить на нее, а затѣмъ уже принять на лодку отступающій десантъ. Барказъ всегда готовъ къ спуску. Китайцы вынимаютъ свои вклады изъ банка, что служить тревожнымъ признакомъ, такъ какъ видимо они боятся за участь банка. Толпы праздношатающихся китайцевъ наполняютъ городъ. Появляется много агитаторовъ противъ европейцевъ, расклеивающихъ афишки съ воззваніемъ къ убійству иноземцевъ, — Янгуйцзы—(заморскихъ чертей), какъ

они насъ называютъ. Наконецъ прибыла давножданная пушка Барановскаго, но успѣли въ дорогѣ потерять спусковой крючекъ. Молодцы машинисты немедленно сдѣлали въ машинѣ новый, и я повезъ ее на русскій участокъ, гдѣ и оставилъ съ комендоромъ въ распоряженіе военнаго начальства участ-

Пушка Барановскаго (стрѣлокъ Абашевъ) на русскомъ участкѣ.

ка. Но Боже мой! какъ измѣнилась мирная наружность его! Домъ Димитренко, гдѣ столько хорошихъ часовъ мы провели, окруженъ валомъ и ровомъ съ подъемными мостами, а около самаго дома, гдѣ такъ часто сидѣли мы, мирно бесѣдуя и привѣтливо шипѣлъ наставляемый самоваръ,—помѣщена на банкетѣ привезенная мною пушка и грозно по-сматриваетъ на теряющійся вдали рельсовый путь. Какъ разъ въ эту минуту, когда я привезъ пушку, къ станціи съ грохотомъ примчался локомотивъ съ

однимъ товарнымъ вагономъ. Вагонъ—буквально рѣшено отъ пуль; изъ него выходили люди въ грязной, запыленной и закопченной одеждѣ съ разнокалиберными ружьями въ рукахъ: у кого винчестеръ, у кого винтовка со штыкомъ. Многіе ранены... Съ локомотива сносятъ раненаго машиниста. Какъ я узналъ изъ разспросовъ, локомотивъ съ вагономъ шелъ изъ Ляояна; у этого города толпа китайцевъ жгла казармы и обстрѣливала находившихся въ ней европейцевъ и нѣсколькихъ охранниковъ. Увидя подходящій локомотивъ, одинъ изъ нихъ выставилъ въ окно начинающей заниматься огнемъ казармы, свою желтую фуражку. Машинистъ замедлилъ ходъ. Тогда горсточка осажденныхъ, давъ залпъ, съ крикомъ „Ура“ бросилась сквозь толпу китайцевъ, опѣшившихъ отъ такой дерзости, и пробившись штыкомъ и прикладомъ добралась до вагона и вскочила въ него, машинистъ далъ полный ходъ и подъ залпами, пришедшихъ въ себя китайцевъ, умчалъ спасенныхъ имъ людей. Но шальная пуля раздробила ему скулу. Изнемогая отъ боли, онъ не покинулъ своего поста и привелъ поѣздъ въ Инкоу, гдѣ его въ безсознательномъ состояніи сняли съ локомотива, на которомъ этотъ скромный герой такъ честно исполнилъ свой долгъ. Бѣглецы сообщили, что полковникъ Мищенко съ охранниками запертъ китайскими войсками въ Ляоянѣ, причемъ силы китайцевъ составляютъ 500 ч. пѣхоты и артиллеріи, обстрѣливающей нашъ небольшой отрядъ. Немедленно собранъ былъ поѣздъ, на него посажены чины охраны и онъ полнымъ ходомъ пошелъ къ Ляояну на выручку своего любимаго начальника. Внушительный видъ имѣлъ этотъ поѣздъ, гдѣ на площадкахъ локомотива и вагоновъ стояли съ винтовками на готовѣ охранники. Изъ окна послѣдняго вагона, прощаясь со мною, долго махалъ

своей фуражкой начальникъ отправившагося отряда штабсъ-капитанъ В. М. Страховъ — большой мой пріятель. Прерву здѣсь ненадолго свой рассказъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о полковникѣ Мищенко. Съ полковникомъ Павломъ Ивановичемъ Мищенко я познакомился у насъ на „Отважномъ“ вскорѣ по пріѣздѣ его въ Инкоу. Что это за славная личность: скромный, высокочестный и беззавѣтно храбрый человѣкъ. Кумиръ своихъ солдатъ, гроза китайцевъ и легендарное существо въ ихъ глазахъ... Но продолжаю дальше: Мищенко удалось до прихода выручки изъ Инкоу, самому выпутаться изъ бѣды и Страховъ встрѣтилъ его уже идущимъ по дорогѣ въ Айсандзянь. Въ бою съ китайцами Мищенко потерялъ убитыми и ранеными 14 чел. и около половины конскаго состава. Въ Ляоянѣ оставлены паровозы, все имущество служащихъ, деньги и подвижной составъ желѣзной дороги. Около 300 верстъ дороги брошено на разрушеніе...

Дни 23, 24, и 25 записаны кровавыми буквами въ лѣтописи Китайской желѣзной дороги... Дни принесшіе гибель служащимъ и охранявшимъ станціи. Китайцы въ эти дни сдѣлали общее нападеніе на всѣ посты сразу. Особенно громили они постъ поручика Валевского, осыпая его пулями и орудійными снарядами. Поручику Валевскому совместно съ бывшимъ на посту инженеромъ Верховскимъ чудомъ удалось пробиться сквозь ряды непріятеля и съ боемъ дойти до Ляояна, гдѣ они надѣялись соединиться съ отрядомъ Мищенко. Но надеждѣ ихъ не суждено было оправдаться: Мищенко уже тамъ не было... Онъ уже отступилъ по дорогѣ на Айсандзянь. Малочисленный, измученный постоянными боями, отрядъ Валевского оказался одинъ предоставленный самому себѣ въ мѣстности кишаншей китайскими войсками. Въ такомъ отчаянномъ

положеніи собрали военный совѣтъ, на которомъ Валевскій настаивалъ на томъ, чтобы неразъединяться и пробиваться въ Корею. Верховскій не согласился съ нимъ и вскорѣ, съ частью отряда, состоящей изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, отдѣлился отъ него. Въ слѣдующей стычкѣ Валевскій былъ смертельно раненъ. Призвавъ къ себѣ вахмистра Пилипенко, юный герой приказалъ себя бросить и продолжать пробиваться въ Корею. Прощаясь съ вахмистромъ, Валевскій передалъ ему деньги, прося его въ случаѣ, если ему удастся спастись, доставить ихъ вмѣстѣ съ прощальнымъ привѣтомъ своей матери. Великій примѣръ военной доблести явилъ собою поручикъ Валевскій!.. Первая его мысль предъ кончиной была о вѣрныхъ ему людяхъ, а затѣмъ уже о себѣ и своихъ близкихъ. Свято исполнилъ приказанія своего героя-командира, храбрый вахмистръ. Съ большими трудами и лишениями пробился онъ съ остаткомъ отряда въ 50 чел. въ Корею, гдѣ въ Сеулѣ и явился въ Русскую Миссію.—Не та участь постигла Верховскаго и его служащихъ. Вскорѣ послѣ отдѣленія его отъ отряда Валевскаго, онъ былъ схваченъ Китайцами преданъ суду и казненъ. Но сколько звѣрствъ, сколько истязаній пришлось выдержать несчастному отъ рукъ озвѣрѣвшихъ враговъ. Ему послѣдовательно отрѣзали: носъ, уши, вырѣзали языкъ, выкололи глаза и затѣмъ уже отрубили голову. Эти подробности нечеловѣческихъ мукъ я узналъ отъ инженера Титова, которому рассказывалъ о нихъ очевидецъ китаецъ-перебѣжчикъ. Впослѣдствіи, когда мы заняли Инкоу, къ намъ были доставлены пять желѣзнодорожныхъ служащихъ изъ числа захваченныхъ въ плѣнъ китайцами. Кровь стынетъ при рассказахъ ихъ о тѣхъ мукахъ, какимъ они подвергались въ плѣну... Надо быть утонченно

жестокимъ, артистомъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы придумать подобныя истязанія. Бѣдняки жили въ смрадной тюрьмѣ, откуда ихъ по очереди выводили на казнь. Вотъ привели къ мѣсту казни.... мечъ занесенъ... еще секунда и кончены муки... Но нѣтъ, опять въ тюрьму, опять издѣвательства, истязанія... И такъ нѣсколько разъ... Удивительно какъ еще эти несчастные не потеряли рассудокъ. А въ тюрьмѣ... хочешь спать, такъ вмѣсто подушки дадутъ окровавленную голову товарища, иначе спать не позволяютъ!.. Заставляли ѣсть собственныя испражненія... Довольно! довольно, этихъ ужасныхъ картинъ! Перо бессильно описать все, что пришлось испытать этимъ людямъ, заброшеннымъ въ глубь Манджурии во имя идеи и культуры...

Въ то время, когда вышеописанныя событія разыгрывались въ окрестностяхъ, у насъ-же въ Инкоу возбужденіе среди иностранцевъ еще болѣе усилилось. Всю ночь на 10-ое провели въ тревогѣ. Мужчины подъ ружьемъ женщины и дѣти въ таможнѣ.

о утрѣ, стоя на вахтѣ, услышалъ я звуки оеннаго рожка и вскорѣ затѣмъ по площади города, которая съ лодки видна, какъ на ладони, прошла Китайская кавалерія. Я положительно не зналъ что думать. Ужъ не сонъ-ли это? спрашивалъ я себя... Вѣдь всѣ эти бои Мищенко доказали, что не одни Ихетуанцы, но и регулярныя войска дѣйствуютъ противъ насъ. Вѣдь это ужъ ни для кого не тайна! Впечатлѣніе прихода китайской регулярной кавалеріи на европейцевъ потрясающее. Вслѣдствіи энергичныхъ представленій Даотаю со стороны командира лодки, принявшаго на себя по просьбѣ консуловъ и съ согласія адмирала Алексѣева руководство надъ обороной города, войска, не смотря на отвиливанія Даотая, на другой же день покинули Инкоу, какъ знать, можетъ быть,

чтобы возвратиться позже подъ видомъ кули. Положеніе продолжаетъ ухудшаться. Въ китайскій городъ приходитъ масса джонокъ. Пользуясь теченіемъ, они быстро проносятся мимо лодки. Нашъ паровой катеръ по малосильности машины, вслѣдствіи сильнаго теченія не въ состояніи останавливать ихъ, осматривать идущихъ на нихъ китайцевъ и ихъ грузъ, подъ которымъ могло-быть оружіе. Да будь онъ и сильнѣе, онъ не въ состояніи былъ бы осмотрѣть всю эту массу джонокъ. На всякій случай, боясь, что китайцы захотятъ взять лодку на abordажъ, провели трубки для пара вокругъ борта. Взять же лодку весьма легко: стоитъ только, спускаясь по теченію, одной джонкѣ зацѣпиться у носового срѣза, а другой у кормового, и никакія пушки не помогутъ. Не успѣешь ахнуть, какъ 200, 300 китайцевъ будутъ на палубѣ и всѣ мы перерѣзаны. Борьба съ подавляющимъ числомъ враговъ на узкомъ пространствѣ палубы слишкомъ неравна. Вотъ мы и придумали въ случаѣ, если полѣзутъ, шпарить ихъ паромъ. Средство варварское, но въ крайнихъ случаяхъ—крайнія средства. Знать же намѣренія джонокъ нельзя. Вотъ одна совсѣмъ насѣдаетъ со скоростью 6 узловъ... вотъ уже у самага борта. Еще секунда она дѣлаетъ поворотъ и мчится дальше... Хватить изъ пушки? А вдругъ на этой джонкѣ мирные китайцы спасаются въ морѣ отъ своихъ же собратьевъ? Вотъ тутъ поневолѣ задумаешься, къ тому же изъ Портъ-Артура неоднократно подтверждалось распоряженіе не предпринимать агрессивныхъ дѣйствій противъ китайцевъ пока они первые не начнутъ ихъ. Въ случаѣ же abordажъ поздно думать о защитѣ; оставалось только какъ можно дороже продать свою жизнь, а затѣмъ, если начнутъ одолѣвать, не отдаваться живыми въ руки. 6-ая пуля револьвера имѣла свое

особое при этомъ назначеніе. Между тѣмъ женщинамъ и дѣтямъ не въ могоу было оставаться въ городѣ и они всѣ почти уѣхали частью въ Японію, частью въ Шанхай на зафрахтованныхъ для этой цѣли пароходахъ. Напримѣръ на пароходѣ „Sagamimarui“ покинуло Инкоу 50 женщинъ и дѣтей. Въ

Баррикады противъ каваллеріи у католическаго собора.

городѣ осталось лишь 10 миссіонерокъ и два или три европейскіхъ ребенка, да мужское населеніе, изъ котораго составилъ отрядъ въ 45 человекъ англичанъ и 15 служащихъ въ таможднѣ европейцевъ разныхъ національностей. Они выбрали между собою офицеровъ, а обученіе отряда взялъ на себя M-Edgar, хозяинъ гостиницы, бывшій до того унтеръ-офицеромъ Англійской арміи. Сборный пунктъ Англичанъ былъ въ гостинницѣ Edgar'a, а таможенныхъ въ таможднѣ. Оба эти отряда исправно

несутъ сторожевую службу на баррикадахъ и патрульную по городу. Баррикады построены вокругъ города и поперекъ улицъ, ведущихъ въ китайскій городъ. Ихъ устроили изъ шпаль и мѣшковъ съ пескомъ и землею и каждый отрядъ имѣлъ свой районъ для отраженія ихъ. Иностранные консула шлютъ телеграммы адмираламъ своихъ націй, плавающимъ въ Тихомъ океанѣ о присылкѣ судовъ, но эти телеграммы остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь. Ни одно иностранное судно не показывается на рѣкѣ. Одинъ „Отважный“, оцетинившійся своими немногими пушками, грозно вращаетъ свой „всевидающій глазъ“ по всему горизонту, пристально вглядываясь въ китайскій городъ. А тамъ тишина, гнетущая тишина. Изрѣдка залаетъ собака и снова все тихо, жутко тихо... Что думаютъ эти нѣсколько тысячъ человѣкъ, что хотятъ предпринять, чтобы задавить горсточку европейцевъ, которые сжимая въ рукахъ оружіе, тревожно всматриваются въ темноту безлунной Манджурской ночи... На рускомъ участкѣ тишина. Санитарный отрядъ уѣхалъ въ Портъ-Артуръ пока было можно, теперь ужъ было бы поздно. Часть пути разрушена, кругомъ боксеры и китайскія войска.

На участкѣ остались лишь охранники и небольшое число желѣзнодорожныхъ служащихъ. Зарево горящихъ деревень, отлично видное съ летучаго марса лодки, кольцомъ опоясываетъ горизонтъ. Со страхомъ смотришь, бывало, ночью: не взвѣется ли надъ участкомъ ракета въ знакъ нападенія. Какъ выручить бѣднягъ? Сознаніе своего безсилія, сознаніе того, что одновременно защищать городъ и участокъ нельзя, можно лишь обстрѣливать дорогу до станціи (а какая это помощь?!)—дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на безъ того уже напряженные нервы. Да, надо, надо скорѣй другую лодку,

иначе участок погибнет, погибнет станція, желѣзнодорожное депо, мастерскія, паровозы, вагоны и все, все стоившее много труда и денегъ. И вотъ летятъ телеграммы Командующему войсками въ Артуръ. Шлетъ командиръ лодки, шлетъ консулъ,

Сигнальная казачья вышка на русскомъ участкѣ.

такъ и не уѣхавшій въ отпускъ. Языкъ телеграммъ въ высшей степени тревожный: „Жду перерыва телеграфа отсюда. Безъ быстрой помощи, за недостаткомъ силъ Ньючжуанъ придется бросить. Будетъ выжженъ. Нападенія ждуть черезъ 2, 3 дня...“ А тутъ въ довершеніе всего еще пріятная новость: китайцы лазутчики, состоящіе на нашей службѣ, сообщаютъ, что мятежники топятъ джонки съ камнями на барѣ... Если это такъ, мы—въ

ловушкѣ. Выхода нѣтъ. Съ лодки не видно дѣлается ли тамъ что либо, или нѣтъ. Рѣшили рискнуть и послать паровой катеръ. Ушедши рано утромъ, онъ вернулся поздно вечеромъ и посланный офицеръ донесъ, что ничего не замѣтилъ подозрительнаго. Повидимому китайцы, предувѣдомленные о посылкѣ катера, прекратили свои работы на барѣ, а, можетъ, и вовсе ничего не дѣлають тамъ и все, что говорилось объ этомъ, неправда. Но ясно, что за баромъ надо учредить наблюденія, но не посредствомъ слабосильнаго катера, а по крайней мѣрѣ миноносца, и Командиръ просить присылки миноносца. Но тутъ выступаютъ жгучіе вопросы о томъ, существуетъ ли еще за Инкоу телеграфъ? Дойдутъ ли телеграммы? и наконецъ дадутъ ли просимый миноносецъ? Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заключается для насъ все. Скоро ли наконецъ поднимется на мачтѣ таможни желанный сигналъ и появится столь пламенно ожидаемое судно. А пока надо стоять на своемъ посту и помнить, что смѣны можетъ быть и не будетъ, и если суждено погибнуть, то показать защищаемымъ иностранцамъ, какъ умѣють умирать на своемъ посту русскіе люди, помня присягу и честь родного флага и Россіи.—

IV.

Но вотъ приходитъ извѣстіе, что дѣла Китайцевъ на Печилійскомъ театрѣ войны плохи и они, тѣснимые нашими молодецкими стрѣлковыми полками и союзниками, отступаютъ..... Но, какъ у всякой медали есть оборотная сторона, такъ и у этого успѣха международныхъ войскъ по отношенію къ намъ была оборотная сторона. Разбитыя китайскія войска бѣжали по направленію къ Инкоу и совместно съ

„ихетуанцами“ стали ему угрожать. Последніе, под видомъ кули, проникли въ Китайскую часть Инкоу и стали возбуждать жителей противъ Европейцевъ. Невидимыя руки расклеивали прокламаціи и афиши съ воззваніемъ убивать „янгуйцзы“ (заморскіе черти), какъ они окрестили насъ всѣхъ, но маленький гарнизонъ, зная, что отступленія нѣтъ, еще зорче охранялъ городъ, не зная устали. Волонтеры под руководствомъ Edgar'а днемъ производятъ ученье, чтобы умѣть дѣйствовать соединенно, ночью же усиленно несутъ службу на баррикадахъ. По прежнему грозно стоитъ „Отважный“ въ рѣкѣ, вперивъ свой прожекторъ въ Китайскую часть города, какъ бы выискивая притаившагося въ засадѣ врага. 23 Іюня увидѣли съ марса лодки горѣвшій городъ Старый Нъючжуанъ, лежащій невдалекѣ отъ Хайчена, между нимъ и городомъ Тянь-жуанъ-таемъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ тамъ сосредоточилось 1000 чел. боксеровъ и 100 чел. регулярной кавалеріи. 26 Іюня выхожу на палубу, смотрю и вижу необычайное оживленіе около таможни. Все что не стояло на постахъ—все тутъ. Всѣ смотрятъ на рѣку и на мачту Таможни, по которой медленно ползетъ всѣмъ знакомый сигналъ: черный квадратъ и свернутый флагъ..... Сколько надежды, сколько нетерпѣливаго ожиданія у всѣхъ!... Какой націи, какого ранга идущее судно?... Но вотъ флагъ развернулся и затрепеталъ въ воздухѣ. Онъ былъ японскій линейный крейсеръ „Tazuta“, а вскорѣ за нимъ, кажется на другой день, пришла еще старая алфавитная канонерская лодка, тоже японская, а за нею и еще одна такая-же. Лодки высадили десантъ, который вначалѣ ограничился охраной японскаго Консульства, но затѣмъ принялъ участіе въ общей оборонѣ города, занявъ караулъ у воротъ его, ведущихъ по направленію къ русскому участку.

Семнадцать маленькихъ черноглазыхъ и ловкихъ японцевъ своимъ появленіемъ нѣсколько облегчили суровую службу горсти защитниковъ Инкоу. За эти дни вновь начали разноситься слухи о загражденіи фарватера джонками, о появленіи въ городѣ переродѣтыхъ китайскихъ солдатъ и о провозѣ оружія подѣ грузомъ бобовъ. Вновь телеграфируютъ адмиралу Старкъ съ просьбой прислать миноносецъ. Слухи появляются со сказочной быстротой. — Въ 7 ч. вечера 26 Іюня мы узнали, что 2000 чел. войска подѣ начальствомъ генерала Суна, придя изъ Шангай-Гуана, появились въ 12 верстахъ отъ Инкоу и что на форту у устья рѣки Ляо-хе ставятъ пушки. — Въ 11 ч. вечера того же дня было получено нашимъ консуломъ отъ Даотая письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ, что на другой день въ 6 ч. утра пройдетъ черезъ городъ кавалерія.

Очевидно этотъ достойный китайскій сановникъ, считалъ насъ ужъ за очень наивныхъ людей. На это письмо ему было послано сказать, что, если хоть одинъ китайскій солдатъ появится за чертой баррикадъ, то по немъ немедленно будутъ стрѣлять; если же они сунутся на русскій участокъ, то и тамъ ихъ примутъ должнымъ образомъ войска отряда полковника II-го Вост. Сибирск. стр. полка Домбровскаго. Аргументы подѣйствовали и кавалерія въ тотъ же день удалилась. Между тѣмъ бѣгство мирныхъ обывателей — китайцевъ становится стихійнымъ. Мнѣ еще никогда не приходилось видѣть такой паники, охватившей населеніе. Джонки стаями уходятъ въ море. Ушло въ море въ одинъ день 5 пароходовъ, переполненныхъ болѣе состоятельными китайцами. А съ другого конца въ городъ входили подкрѣпленія, потребованныя Даотаемъ... Подкрѣпленія противъ кого? Рѣшительно его китайское превосходительство считаетъ насъ

ужь очень недалёковидными, если не сказать больше... А мы? Откуда намъ ждать подкрѣплений? Мы знали, что на русскомъ участкѣ стояли 2 роты 7 Сиб. стр. полка, но и онѣ ушли къ Дашичао къ полковнику Домбровскому, который дрался тамъ съ китайцами. Откровенно говоря, скверно было на душѣ... Но вотъ и намъ улыбнулось счастье! Вновь на мачтѣ таможни появился условный сигналъ и на этотъ разъ подъ чернымъ квадратомъ развивался русскій флагъ. Это было рано утромъ 30 Іюня. Мы не вѣрили тому, что видимъ. Глаза такъ и впились въ этотъ родной, дорогой флагъ!.. Всѣ наличные бинокли направлены вдаль по рѣкѣ, хотя еще ничего не было видно. Пошли разговоры, догадки о томъ, какое можетъ быть это идущее сюда судно, кого могли послать къ намъ: „Бобръ“ въ Таку, „Гилякъ“ и „Кореецъ“ чинятся послѣ боя. „Ваше Высокоблагородіе, „Гремящій“ идетъ!“ радостно доложилъ сигнальщикъ и тѣмъ разрѣшилъ наши догадки. Дѣйствительно, шелъ „Гремящій“—нашъ родной братъ по наружному виду и вооруженію. „Гремящій“ сталъ на якорь, а въ полдень командиръ его, капитанъ 2 ранга Миклашевскій, получивъ инструкціи о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, возвратился на свою лодку, которая снялась съ якоря и перешла къ русскому участку.—Но видимо русскому флагу суждено было въ этотъ день не разъ подняться на мачтѣ таможни: скоро послѣ „Гремящаго“ пришелъ съ моря миноносецъ № 206 подъ командою лейтенанта А. А. Рюмина. Приходъ лодки и миноносца принесъ намъ огромную пользу. 1-ая, т. е. лодка помогла намъ десантомъ изъ 23 чел. при мичманѣ Смирновѣ, а миноносецъ замѣнилъ бы телеграфъ, если бы онъ былъ оборванъ, какъ въ скоромъ времени и случилось.—1 Іюля семафоромъ съ „Гре-

мящаго“ дали знать, что китайскія войска наступаютъ съ Сѣвера на Дашичао, наши же войска отступаютъ. Въ 10 верстахъ отъ русскаго участка видѣли китайскіе разѣзды. Всѣ служащіе на участкѣ перебрались на „Гремящій“. Чтобы обезпечить уголь обстрѣла орудіямъ „Гремящаго“ были снесены нѣкоторыя зданія санитарнаго пункта и между прочимъ знакомая намъ баня. Въ тотъ же день, т. е. 1 Іюля, забѣжалъ изъ Таку англійскій контръ-миноносець „Fame“, простоялъ до полудня 2-го Іюля и ушелъ, увозя съ собою донесеніе нашего командира о ходѣ событій адмираламъ Алексѣеву и Гильтебранту, которые командиръ англійскаго судна взялся доставить по назначенію. День 2 Іюля ознаменовался инцидентомъ, характеризующимъ иностранцевъ и ихъ нежеланіе подчиняться законнымъ требованіямъ лица, котораго они и сами выбрали, начальникомъ обороны. Дѣло было такъ. Даотаи выразилъ желаніе сдѣлать визитъ консуламъ. Очевидно, что цѣль его была подѣлать предлогомъ визита высмотрѣть, что у насъ дѣлается. Директоръ таможни, нѣкто М-г Вауга, ни кому не сказавъ, самовольно разобралъ баррикаду на улицѣ консуловъ, чтобы дать проѣхать Даотаю, но объ этомъ фактѣ было немедленно донесено кому слѣдуетъ англичаниномъ-волонтеромъ М-г Nesby, въ вѣдѣніи котораго состояла эта баррикада, и она немедленно была возстановлена при помощи нашихъ матросовъ десанта, а Даотаю пришлось вернуться окольнымъ путемъ домой. Вауга оказался въ весьма незавидномъ положеніи передъ самими иностранцами, осуждавшимъ его рѣзко за его поступокъ. Но этотъ фактъ былъ исключительнымъ; вообще всѣ иностранцы—волонтеры держали себя корректно и дѣлали наше общее дѣло, что называется „не

за страхъ, а за совѣсть“, по крайней мѣрѣ, до занятія города.

Въ китайскій городъ приходятъ за послѣднее время много джонокъ и на нихъ полнымъ полно китайцевъ, исключительно мужчинъ. День ото дня положеніе становится все тревожнѣе и тревожнѣе. На русскомъ участкѣ начались грабежи. На лодку къ намъ были доставлены семь человѣкъ грабителей китайцевъ. Для перваго раза ихъ выпороли, всыпавъ на 100 линьковъ, впредь же приказано въ нихъ стрѣлять. Относительно событій на барѣ мы теперь спокойны. Тамъ несетъ службу миноносецъ № 206. Трудна служба миноносца... На барѣ очень свѣжо и онъ всю ночь держится подъ парами и несмотря на всякую погоду лихо править свое дѣло. 8 Іюля командиръ послалъ телеграмму въ Портъ-Артуръ о присылкѣ втораго миноносца для того, чтобы облегчить службу миноносца, несущаго службу безсмѣнно. 10-го Іюля, получивъ увѣдомленіе отъ миссіонера Père Chaulét о готовящемся въ ночь на 11-ое нападеніи, всю ночь усиленно освѣщали прожекторомъ китайскій городъ и окрестности и всѣ отряды стояли на готовѣ подъ ружьемъ. Но ночь прошла спокойно: нападенія не было. Теперь наши силы значительно увеличились. На русскомъ участкѣ уже 800 чел. при 2-хъ орудіяхъ. Видимо это успокоительно подѣйствовало на мирныхъ китайцевъ, что и выразилось тѣмъ, что они стали возвращаться въ городъ. На рѣкѣ царитъ небывалое оживленіе, отъ 25 до 30 большихъ джонокъ ждутъ на якорѣ своей очереди, между тѣмъ какъ другія уже выгружаютъ свои товары: зелень, бобы и бобовое масло. Видя такое, повторю, не бывалое оживленіе, утверждаешься въ мысли, что китайцы вѣрятъ въ защиту русскихъ войскъ и военныхъ судовъ.

12 Іюля получили по телеграфу съ русскаго участка свѣдѣнія о боѣ надъ Сеньюченомъ. Сеньюченъ взятъ послѣ дневного боя въ 5 ч. вечера, разбитыя китайскія войска бѣжали по Гайджоуской дорогѣ къ морю. Миноносцу № 206 приказано ловить джонки съ бѣжавшими солдатами на борѣ и отгонять ихъ въ море, не позволяя вновь высаживаться. 13 Іюля всѣ европейцы были встревожены, раздавшейся стрѣльбою у самаго города. Оказалось, что полковникъ Мищенко, предпринялъ рекогносцировку противъ бѣжавшихъ изъ Сеньючена китайскихъ войскъ по Гайджоуской дорогѣ. Орудійные выстрѣлы были направлены противъ импаней (укрѣпленій), куда засѣли бѣжавшіе солдаты.— Не выдержавъ огня, они бѣжали въ Инкоу, потерявъ убитыми и ранеными около 20 чел. Потери Мищенко были 5 раненыхъ, изъ которыхъ 1 тяжело. Послѣ этой стычки отрядъ ушелъ обратно къ Дашичао. Впечатлѣніе эта рекогносцировка произвела, на безъ того уже напуганныхъ мирныхъ китайцевъ, ужасное. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ, ожившая было торговля совершенно прекратилась. Всѣ джонки, поставивъ паруса, и переполненные народомъ, спѣшили уйти въ море, пользуясь отливомъ и свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ.

Однимъ словомъ, получилась знакомая картина паническаго бѣгства. Вообще печальный результатъ этой рекогносцировки скоро сказался. Китайцы бросили всякую работу и или ушли въ море или сидятъ на джонкахъ, готовые ежеминутно послѣдовать за другими. Въмѣсто тѣхъ солдатъ, которыхъ съ такимъ трудомъ удалось удалить, являлись другіе, бѣжавшіе изъ бомардируемыхъ импаней.— Съ уходомъ отряда, произведшаго рекогносцировку, къ нашему консулу А. Н. Островерхову пришли всѣ остальные консула: Англійскій Fulfert, Бельгійскій

Bondinell и Японскій Tanabe съ просьбою немедленно занять городъ русскими войсками, т. к. ждуть со стороны китайцевъ неминуемой мести. А. Н. Островховъ немедленно поѣхалъ на Русскій участокъ просить военной силы въ лицѣ отряда подполковника Карпенко, но его уже тамъ не было: онъ ушелъ въ Дашичао; вмѣсто него полковникъ Мищенко, по просьбѣ А. Н. Островхова, отправилъ на баркасѣ съ „Гремящаго“ 40 ч. охранниковъ съ офицеромъ къ намъ въ европейскій городъ, но на другой же день этотъ отрядъ былъ, не знаю ужъ по какой причинѣ, отозванъ обратно.—Видя такое положеніе дѣлъ и необходимость рѣшительныхъ дѣйствій, командиръ совмѣстно съ консуломъ рѣшилъ отправить въ Портъ-Артуръ съ донесеніемъ секретаря консульства Х. П. Кристи. Въ 5 ч. утра 13 Іюля миноносецъ № 206 отдалъ бакштовъ съ лодки и ушелъ по назначенію.

Наконецъ пришло извѣстіе, котораго всѣ такъ ждали и боялись. Телеграфное сообщеніе съ Портъ-Артуромъ прервано. Нючжуанъ—отрѣзанъ. Подъ Дашичао идетъ бой... Гулъ орудій слышенъ оттуда весь день.—Нашъ переводчикъ Василій (христіанинъ-китаецъ) говоритъ, что Даотаемъ очень недовольны боксеры и солдаты за его строгія мѣры противъ нападенія на иностранцевъ. Они уже вызвали своего генерала и хотятъ по прибытіи его арестовать Даотая и приступить къ общей рѣзнѣ. Бой у водокачки между Инкоу и Дашичао продолжается. Тамъ дерется отрядъ подполковника Карпенко. Остальной отрядъ ведетъ бой на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Дашичао. Намъ слышны выстрѣлы, а ночью видны зарева отъ горящихъ окрестныхъ деревень. Число солдатъ и боксеровъ въ городѣ уже дошло до внушительной цифры 3000. По городу расклеены афиши съ приглашеніемъ

избивать европейцевъ, при чемъ обѣщана награда въ размѣрѣ 25 таэлей за мертвого, 60 таэлей за живого европейца и 100 таэлей за китайца переводчика. Въ китайскомъ городѣ происходятъ убійства своихъ же китайцевъ-христіанъ. 15 іюля пришелъ вновь японскій крейсеръ Tazuta, командиръ котораго сообщилъ, что всѣ посланники въ Пекинѣ и десанты пока живы, кромѣ того онъ подтвердилъ присутствіе китайскихъ войскъ на форту у устья рѣки Ляо-хэ. Простоявъ сутки, Tazuta ушелъ въ море. Не имѣя достаточно силъ въ городѣ, противъ подавляющаго числа китайцевъ, вновь просили подкрѣплений и вновь получили отказъ. 17 іюля прибылъ въ Инкоу на пароходѣ „Богатырь“ и прошелъ въ 10 ч. утра на русскій участокъ, назначенный Начальникомъ Южно-Манджурскаго отряда, Генераль Флейшеръ. Командиръ и консулъ ходили встрѣчать его къ устью рѣки на пришедшемъ наканунѣ миноносцѣ № 211. 17-е же іюля прибыла въ городъ на помощь нашему гарнизону рота 7 Вос. Сиб. Стр. полка подъ командою штабсъ-капитана Троицкаго. На слѣдующій день, т. е. 18 іюля, генераль Флейшеръ посѣтилъ „Отважный“, консульство и расположеніе вновь прибывшей вышеозначенной роты. — Сегодня по причинѣ нѣкоторыхъ неисправностей, паровъ, а слѣдовательно и электрическаго освѣщенія нѣтъ. Прожекторъ въ бездѣйствіи въ самую нужную минуту. Быстро справились съ этимъ дѣломъ и „всевидающій глазъ“ опять зафункціонировалъ. — 18-го же пришелъ минный крейсеръ „Гайдамакъ“ и вступилъ въ очередь сторожевой службы съ миноносцами. — Китайцы между тѣмъ распространяютъ, при помощи объявленій, вѣсти о мнимыхъ побѣдахъ ихъ войскъ. По словамъ этихъ объявленій наши войска въ послѣднемъ бою потеряли 200 ч.

и 4 пушки.—Въ городѣ почти никого изъ мирныхъ жителей нѣтъ. Всѣ, кто только могъ и кто имѣлъ хоть сколько нибудь средствъ, бѣжали. Городъ кишить солдатами и боксерами. Повидимому скоро должна наступить развязка всей этой исторіи. Даотай платитъ каждому солдату и боксеру по 10 долларовъ въ мѣсяцъ (вѣроятно изъ чувства самосохраненія) но, несмотря на это, эти послѣдніе, расположившись въ домахъ мирныхъ жителей, не успѣвшихъ во время бѣжать, требуютъ отъ этихъ несчастныхъ, чтобы они ихъ кормили и содержали, противящихся же такимъ разбойничьимъ требованіямъ безжалостно прирѣзывали и бросали въ мутныя воды Ляо-Хэ. Повидимому, чувствуя за собою превосходство силъ, ихетуанцы и регулярные солдаты и особенно первые не считаютъ нужнымъ и скрывать свое присутствіе. Весь городъ представляетъ очень интересное зрѣлище. Цѣлое море флаговъ красныхъ и желтыхъ — таковы боксерскіе цвѣта,—вѣютъ надъ крышами на длинныхъ бамбуковыхъ шестахъ. Ночью еще эффектнѣе. Казалось городъ иллюминированъ по случаю какого-нибудь праздника. Тысяча красныхъ фонарей замѣняли вывѣшанные днемъ флаги. Фонари и флаги вывѣшивались надъ жилищахъ боксеровъ.

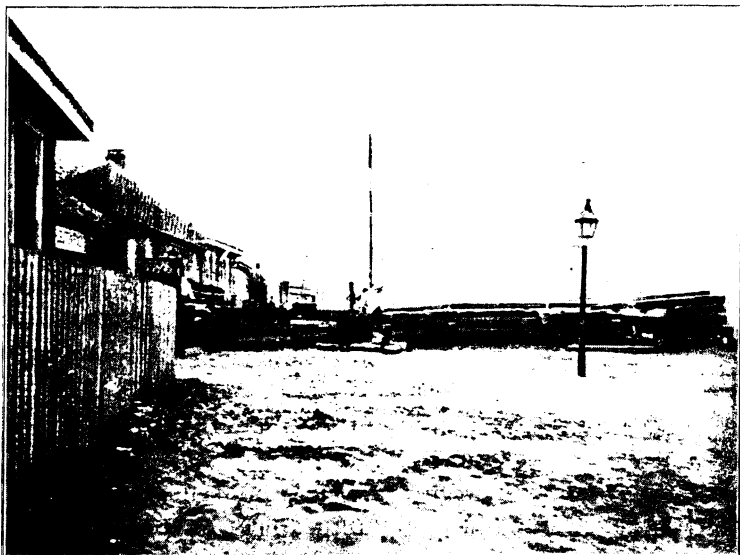
Но въ городѣ тихо... Видно тамъ идутъ послѣднія приготовленія къ нападенію на насъ. Что жъ! Милости просимъ! Пожалуйте! Угощеніе готово! Ужъ ничего не пожалѣемъ для дорогихъ гостей!.. 21 Іюля наканунѣ дня Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны собрался совѣтъ изъ командировъ всѣхъ находящихся здѣсь судовъ и нашего консула, чтобы рѣшить вопросъ: праздновать ли этотъ день по Морскому Уставу, т. е. расцвѣтиться флагами и салютовать или только ограничиться подъемомъ однихъ стеньговыхъ фла-

говъ. Рѣшили на второмъ предложеніи, дабы салютомъ не произвести тревоги. Послѣ совѣта всѣ разѣхались по своимъ судамъ и никто и не предполагалъ, что завтра вмѣсто салютныхъ загремѣтъ боевые выстрѣлы.

V.

День 22-го Іюля выдался чудный. Тепло, тихо; на небѣ ни облачка... Я только что вымылся у себя въ каютѣ послѣ ночной вахты, какъ вдругъ, около 7 ч. утра, услышалъ одиночные выстрѣлы совсѣмъ близко отъ лодки, а за ними раздались правильные залпы. Въ мигъ все было брошено и я былъ на палубѣ. Наступало кажется начало конца всей исторіи. Дѣйствительно, смотрю: на набережную высыпали боксеры и полѣзли на баррикаду. Часовой далъ выстрѣлъ и черезъ минуту нашъ десантъ съ мичманомъ Пленъ былъ уже тамъ и встрѣтилъ атакующихъ залпами, ихетуанцы также быстро исчезли, какъ появились, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ, одѣтыхъ въ своеобразный боксерскій костюмъ въ красныхъ поясахъ и повязкахъ на головахъ, и своего предводителя, котораго тотчасъ разстрѣляли на площади противъ Ямыня. Трупъ его оставили необработаннымъ до вечера. Кучка китайцевъ долго смотрѣла на казненнаго, ожидая, что вотъ, вотъ онъ воскреснетъ, т. к. по убѣжденію ихетуанцевъ пули для нихъ нестрашны и спустя нѣкоторое время убитый боксеръ непременно долженъ воскреснуть. Они носили ладонку на шеѣ какъ талисманъ отъ пуль. Такую ладонку, снятую съ убитаго боксера показывалъ мнѣ потомъ англичанинъ М. Loyd, любитель разныхъ подобныхъ рѣдкостей, но я не рѣшился взять ее въ

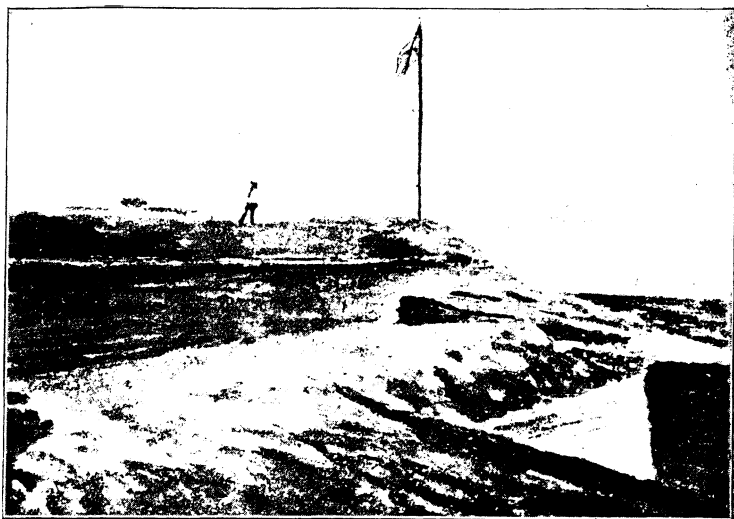
руки.—Между тѣмъ, отбитые на набережной боксеры, повели уже атаку на городъ изъ болѣе отдаленныхъ улицъ и на этотъ разъ уже не одни, а совместно съ китайскими войсками. Очевидно китайцы рассчитали, что имъ много безопаснѣе воевать внѣ выстрѣловъ нашей лодки. Всего, какъ

Первая баррикада, на которую сдѣлали нападеніе китайцы 22 іюля.

потомъ выяснилось атакующихъ было около 3000 человекъ. Даотай, отдавъ приказаніе о нападеніи, бѣжалъ наканунѣ со всѣми властями изъ города. Какъ только началось нападеніе, командиръ лодки капитанъ 2 ранга Колонгъ послалъ миноносецъ № 206 на русскій участокъ доложить подошедшему наканунѣ изъ Дашичао начальнику Южно-Манджурскаго отряда генераль-маіору Флейшеру объ этомъ и просить идти на выручку города, а самъ, какъ лицо, которому была ввѣрена оборона

города, тотчасъ съѣхалъ на берегъ, поручивъ лодку старшему офицеру, чтобы лично руководилъ отраженіемъ атакъ китайцевъ, до прихода генераль-маіора Флейшера. Получивъ донесеніе о нападеніи китайцевъ, генераль-маіоръ Флейшеръ, съ отрядомъ, состоящимъ изъ баталіона стрѣлковъ, 4

Фортъ у устья Ляо-хэ, занятый десантомъ съ лодки „Гремящій“.

орудій и казаковъ, пошелъ лично на выручку Инкоу. Спустя нѣкоторое время, мимо насъ проходитъ лодка „Гремящій“. На ней бьютъ боевую тревогу... Лодка идетъ къ устью рѣки, чтобы занять фортъ и тѣмъ помѣшать китайскимъ войскамъ имъ воспользоваться. Назначеніе другихъ нашихъ судовъ было слѣдующее: миноносецъ № 210 посланъ на баръ для сторожевой службы и развѣдокъ, миноносецъ № 206 остался при „Отважномъ“ въ роли ординарца для передачи приказаній, а „Гайдамаку“ поручено за-

щищать станцію, локомотивное депо, мастерскія и прочія строенія Манджурской дороги на русскомъ участкѣ. Пока одинъ лишь „Отважный“ остается безучастнымъ зрителемъ всего происходящаго. Но и зрителями мы можемъ быть лишь отчасти, такъ какъ съ палубы лодки почти ничего не видно изъ за домовъ и надо влѣзть на летучій марсъ, чтобы хотя что нибудь увидѣть; за то прекрасно слышна непрерывная и беспорядочная трескотня китайскихъ магазинокъ и правильные залпы нашихъ ружей, прерываемые выстрѣлами нашей скорострѣлки. Но вотъ скоро стали слышны болѣе гулкіе удары: то загворила подошедшая Флейшеровская полубатарей. Въ 11 ч. дали командѣ обѣдъ и сами перекусили. Не успѣли мы проглотить послѣдняго куска, какъ отъ генерала Флейшера прибылъ офицеръ-ординарецъ и доложилъ командиру, вернувшемуся съ приходомъ генерала на лодку, что начальникъ отряда приказалъ лодкѣ „Отважный“ перейти къ китайскому городу ниже по рѣкѣ, стать противъ него на якорь и, если потребуется, то выстрѣлами своихъ орудій очистить городской валъ и импани, съ которыхъ китайцы обстрѣливаютъ его отрядъ. Идти въ атаку прямо, что говорится въ лобъ, было немислимо, т. к. линія обороны китайцевъ была очень растянута, мѣсто впереди города совершенно открытое, ибо гаолянъ его покрывавшій былъ уже убранъ, и непріятель, сидя массами по всему валу и на крышахъ домовъ за отличными прикрытіями, снабженный магазинными ружьями съ массою патроновъ, могъ безнаказанно наносить большой вредъ нашимъ войскамъ. Но генералъ всетаки надѣялся справиться съ ними самъ и въ концѣ своего приказанія прибавилъ, что открывать огонь слѣдуетъ лишь тогда, когда будетъ данъ объ этомъ сигналъ двумя пушечными выстрѣлами, сопровож-

даемыми пущенной ракетой.—Въ то же время просилъ прислать ему двухъ офицеровъ съ лодки для ординарческой службы, т. к. при немъ офицеровъ было весьма немного, а посылать по характеру мѣстности надо было въ различные пункты. Къ нему были немедленно командированы мичмана Шрамченко и Павловъ. По отбѣздѣ ординарцевъ въ 12 ч. дня лодка снялась съ фертоинга и, пройдя нѣсколько внизъ по рѣкѣ, стала на якорь на указанное генераломъ мѣсто.—И такъ мы на позиціи. За нами миноносецъ № 206 и коммерческій пароходъ „Pronto“. Когда окончился авралъ съ постановкой на якорь и просвистали: „подвахтенныхъ внизъ“, командиръ пригласилъ меня въ каюту и тамъ отдалъ мнѣ приказаніе, если придется открыть бомбардировку, то стараться всѣми силами шадить городъ и исключительно стрѣлять по городскому валу и крайнимъ домамъ, гдѣ засѣли китайцы. По присущей ему гуманности онъ хотѣлъ, чтобы послѣ занятія города, если оно состоится, бѣжавшіе мирные жители, возвратясь, нашли бы свои дома не разрушенными и могли бы вновь приняться за свой мирный трудъ и торговлю. „Разумѣется“ закончилъ свою рѣчь капитанъ 2 ранга Клапье де Колонгъ, „если китайцы осмѣлятся стрѣлять по лодкѣ изъ ближайшихъ домовъ, то они должны быть уничтожены“.

Отливъ между тѣмъ продолжался и лодка все ниже опускалась, а потому задача заданная мнѣ командиромъ становилась не легкою. Берегъ скрывалъ окраины города и съ палубы лодки ничего не было видно. Я поднялся на „бесѣдкѣ“ на гротъ-мачту и въ сильный бинокль, осмотрѣвъ городской валъ, крайніе дома и окрестности города, отлично различилъ бѣлые рубахи нашихъ и синія куртки китайцевъ. Набросавъ на планъ расположеніе по-

слѣднихъ, я отдалъ приказаніе комендорамъ наводчикамъ навести прицѣльную линію орудій, руководствуясь, какъ при стрѣльбѣ по невидимой цѣли разными примѣтными знаками. Въ сихъ послѣднихъ недостатка не было; выдающіяся крыши кумирень, флагштоки для вывѣсокъ, отдѣльныя деревья могли служить отличными вѣшками. Когда такимъ образомъ я подготовилъ направленіе огня, то слѣзъ съ мачты, отправился въ штурманскую рубку, снялъ разстояніе съ карты и, передавъ его къ орудіямъ, доложилъ командиру, что орудія готовы, направленіе взято вѣрное и по видимому для остального города безопасное. Послѣ моего доклада была пробита тревога правому борту, т. к. лодка, ставъ по теченію, имѣла этотъ бортъ обращеннымъ къ городу и орудія заряжены. Приготовлены были 1—6-ти дюймовая пушка, 3—47^m/_m одноствольныхъ пушки Гочкисса и на всякій случай 2—37^m/_m. пятиствольныхъ. Снаряды были фугасные. Ровно въ 1 ч. 30 м. пополудни взвилась условная ракета и тотчасъ грянулъ выстрѣлъ изъ 6 дюймоваго орудія, а за нимъ начался бѣглый огонь 47 м. пушекъ. Городъ былъ видимо пустъ, всѣ были на стѣнахъ, только испуганныя выстрѣлами, собаки метались по безлюднымъ улицамъ и своимъ воемъ вторили грохоту пушекъ. Въ разгаръ стрѣльбы показался идущій съ моря по рѣкѣ пароходъ. На немъ бѣлѣютъ рубахи войскъ, отправленныхъ адмираломъ Алексѣевымъ изъ Портъ-Артура на выручку Инкоу. Пароходъ ближе... Сильно накренившись на правый бортъ, отъ массы усѣявшихъ его солдатъ проходить онъ вдоль нашего лѣваго борта... „Ура!“ и звуки нашего могучаго гимна несутся оттуда... Отвѣтное „Ура“ гремитъ съ лодки на родной привѣтъ и величественные звуки гимна покрываются грохотомъ выстрѣловъ нашихъ пушекъ. Пароходъ

миновавъ лодку, прошелъ къ русскому участку, гдѣ и высадилъ привезенныя войска. Между тѣмъ ихетуанцы, видя, что въ городъ снаряды не попадаютъ, вернулись въ опустѣлые дома и пошелъ грабежъ... Грабили и убивали другъ друга изъ за награбленной рухляди. Съ лодки было видно какъ съ ножами и револьверами бросались они другъ на друга. Вотъ вамъ и „Дружина правды и согласія“ (такъ называли себя боксеры)—думали мы. Своя своихъ не познаша. Изрѣдка разбойники пострѣливали по нашему направленію, но пули, перелетая черезъ лодку, попадали въ стоящій за нею миноносецъ № 206 и пароходъ Pronto, но къ счастью на миноносцѣ пробили тентъ и еще что то, что—теперь не помню, а попаданія въ пароходъ тоже ограничились пустяками. Надо было выпустить нѣсколько снарядовъ и вызвать стрѣлковую партію, чтобы отогнать боксеровъ вновь къ окраинѣ города, приче́мъ два, три дома пришлось сжечь. Видимо наши выстрѣлы были вѣрно направлены и попаданія получались хорошія, такъ какъ около 3-хъ часовъ пополудни на лодку вновь прибылъ одинъ изъ ординарцевъ генераль Флейшера поручикъ Л. Гв. Семеновскаго полка Лялинъ, кажется, съ сообщеніемъ, что китайцы бросились въ двѣ стоявніе за городомъ импани и заняли ихъ. Генераль просить временно прекратить стрѣльбу, т. к. отрядъ перейдетъ въ наступленіе, чему можетъ помѣшать нашъ огонь. Пробоили „дробь“ и временно стрѣльба была прекращена. Но вскорѣ новый ординарецъ, съ новымъ приказаніемъ открыть огонь и обстрѣлять импани. Снова влѣзъ на мачту. Импани какъ на ладони, но мелкія пушки за дальностью не донесутъ, а потому придется работать лишь одному 6 дюймовому орудію съ большимъ угломъ возвышенія. Давъ требуемое направленіе и разстояніе съ

мачты, началъ стрѣльбу. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ, вновь получается приказаніе, что, если будетъ пущена ракета, то это будетъ значить, что войска наши штурмуютъ импани и стрѣльбу надо прекратить. Ровно въ 6 ч. вечера взвилась ракета. Войска пошли на штурмъ. Китайцы бѣжали къ устью рѣки, бросились въ джонки и преслѣдуемые выстрѣлами нашей 6 дюйм. пушки, переправлялись на другой берегъ къ англійскому вокзалу и бѣжали по направленію къ Тангай-Гуаню. Въ 7 ч. вечера Инкоу былъ занятъ фактически и на мачтѣ таможни поднять андреевскій флагъ. Такъ совершилось занятіе города, продолжавшееся ровно 12 часовъ. На лодкѣ пробили „отбой“, промыли орудія и дали командѣ ужинъ.

Тотчасъ-же послѣ занятія частная шлюпка съ нѣсколькими иностранцами-европейцами, спускаясь внизъ по рѣкѣ, желала пристать къ берегу, но посланный паровой катеръ вернулъ ее назадъ, такъ какъ по приказанію генерала никому не разрѣшалось входить въ Китайскій городъ, пока наши войска окончательно не войдутъ въ него и не очистятъ его улицъ отъ остатковъ китайскихъ войскъ и боксеровъ.

Наступила ночь. Жуткое, непріятное чувство возбуждалъ городъ, озаренный пламенемъ догорающихъ зданій. Мертвая тишина царила кругомъ. Лишь потрескивали горящіе бамбуковые жерди крышъ и изгородей, да были бездомныя собаки. Запахъ быстро разлагающихся подъ вліяніемъ бывшаго жаркаго дня труповъ, доносился со стороны Гайджоускаго поля. Запахъ былъ настолько силенъ, что я думалъ въ началѣ, что одно изъ многихъ плававшихъ по рѣкѣ тѣлъ застряло гдѣ-нибудь около лодки. Осмотрѣвъ надъ трапами и около якорной цѣпи я однако ничего не нашелъ. Вскорѣ

стали посылать китайцевъ подъ конвоемъ солдатъ хоронить трупы, такъ какъ ихъ ѣли собаки и свиньи. Къ тому же появились мухи, отъ укуса коихъ пухли укушенные мѣста и можно было заразиться трупнымъ ядомъ. — На другой день на крейсерѣ „Забіяка“ прибылъ въ Инкоу адмиралъ Алексѣевъ. Онъ тотчасъ по прибытіи пригласилъ къ себѣ всѣхъ консуловъ съ присущимъ ему искусствомъ и дипломатическимъ тактомъ уладилъ всѣ затрудненія, которыхъ при введеніи въ открытомъ портѣ русскаго управленія, могло быть не мало, затѣмъ прокламаціями успокоилъ китайскую часть населенія и уже на другой день бѣжавшіе и скрывавшіяся въ окрестностяхъ, по лѣсамъ и деревнямъ жители начали возвращаться въ свои брошенные дома и приниматься за свои мирныя занятія. Вновь въ Инкоу закипѣла жизнь, полная труда и промышленности, подъ защитою русскаго флага, гордо развѣвавшагося надъ городомъ. Всѣ иностранцы и ихъ представители — консула были въ восхищеніи отъ распоряженій адмирала Алексѣева, сохранившаго имъ всѣ ихъ прежнія права и все что ихъ касалось въ томъ видѣ, какъ было до занятія города русскими. Они общались подчиняться по вѣдѣнности русскому управленію. Кромѣ того всѣ иностранцы прислали на лодку депутацію съ благодарственнымъ адресомъ командиру, офицерамъ и командѣ за всѣ мѣры, принятыя къ ихъ защитѣ въ тяжелые дни. — Китайцы же благодарили за пощаженные дома, благодаря чему они не остались безъ крова и снова могли приняться за работу. — Наконецъ, покончивъ съ насущными вопросами, адмиралъ Алексѣевъ прибылъ къ намъ на „Отважный“. Лодка подчистилась, вымылась и всѣ пріодѣлись, чтобы не ударить лицомъ въ грязь предъ своимъ адмираломъ. Въ теплой, высоко патріотической

рѣчи благодарилъ онъ командира, всѣхъ насъ офицеровъ и команду за понесенные труды, а, главное, за сохраненіе, почти въ неприкосновенности цѣлаго города, при тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась лодка, заброшенная сюда безъ права рассчитывать на какую либо помощь извнѣ. Съ восторгомъ приняло населеніе лодки слова любимаго адмирала, заставившія забыть и тревоги, и бессонныя ночи и всѣ невзгоды нашего Инкоускаго сидѣнія. Громкое „ура“! провожало отваливашаго отъ борта адмирала и сливалось съ звуками отдаленной музыки—то русскіе войска окончательно вступали въ городъ. Такихъ минутъ никогда не забудешь и дай Богъ всякому воину побольше такихъ въ жизни. Вскорѣ съ приливомъ адмиралъ Алексѣевъ ушелъ на крейсерѣ „Забіяка“ въ Портъ Артуръ. Ни японскій десантъ, ни лодки ихъ въ дѣлѣ занятія города участія не принимали и вскорѣ покинули Инкоу. Градоначальникомъ былъ назначенъ русскій консулъ А. Н. Островерховъ, а начальникомъ гарнизона, морской станціи и комендантомъ города нашъ командиръ, капитанъ 2 ранга Конст. Конст. Клапье де Колонгъ.

Такъ окончилось наше Инкоуское сидѣніе и былъ занятъ портъ, который по своему естественному положенію и при ничтожнѣйшихъ затратахъ могъ принести такую же, если не большую пользу чѣмъ многомилліонный, пресловутый Дальній прозванный на востокъ городомъ „Лишній“. Помню даже было какое-то стихотвореніе начинавшееся словами:

„Городъ Дальній“,
„Городъ Лишній“

и т. д.

VI.

Много, много такта и труда выпало на долю первых устроителей Русскаго управленія города: градоначальника и коменданта. Иностранцы почувствовавши себя опять въ безопасности подъ защитою русскаго флага, скоро забыли всѣ обѣщанія, данныя адмиралу Алексѣеву, и снова принялись за интриги и разныя неблаговидныя продѣлки. Только энергія вышеупомянутыхъ лицъ сумѣла заставить ихъ повиноваться законнымъ требованіямъ русскаго управленія. Высоко держали они достоинство русскаго имени! Честь имъ и слава за это! Нѣкоторые иностранцы унизились даже до того, что затѣвали драки съ матросами, коимъ были обязаны своимъ спасеньемъ и спасеньемъ своего имущества. Однимъ изъ такихъ иностранцевъ оказался нѣкто Busch, но ему не посчастливилось, такъ какъ онъ оставилъ въ рукахъ матросовъ свою фуражку, которая, будучи принесена къ градоначальнику, явилась уликою противъ своего владѣльца и подвергла его за совершенный имъ проступокъ строгой отвѣтственности. М-г Busch былъ въ своемъ родѣ замѣчательная личность и я не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ. Полу-европеецъ полу-китаецъ half-cast, какъ говорятъ на востокѣ, онъ былъ весь преданъ наживѣ, какимъ бы она ни достигалась путемъ и въ выборѣ средствъ для этого онъ былъ положительнымъ артистомъ. Расскажу одинъ изъ его пріемовъ. Какъ-то разъ, объѣзжая городъ съ комендантомъ, я былъ пораженъ массою вывѣсокъ, написанныхъ по-русски на простыхъ доскахъ со словами „Застраховано отъ огня“. Считалъ я, считалъ эти доски, но ихъ было такъ много, что скоро я имъ и счетъ потерялъ. Оказалось, что Busch, зная за достовѣрное, что русскіе пощадаютъ городъ и ему страховыхъ премій платить не придется, продавалъ доски китайцамъ домовладѣльцамъ,

бѣжавшимъ изъ города чуть ли не за десять долларовъ. Получилась, какъ видите, афера не дурная и сумма довольно кругленькая. Оказалось, что онъ тоже самое продѣлывалъ и въ Японско-Китайскую войну, но роль досокъ играли японскіе флаги, которые китайцы выкидывали на своихъ домахъ во избѣжаніе разгрома ихъ японцами. Въ своихъ поступкахъ иностранцы дошли даже до гнусной клеветы, говоря, что русскіе варварски обращаются съ китайцами, прикалывая арестованныхъ китайцевъ, вмѣсто того чтобы сажать ихъ въ тюрьму. Поводомъ къ этому послужилъ слѣдующій случай. Однажды патруль изъ ефрейтора и 2-хъ стрѣлковъ велъ 2-хъ пойманныхъ боксеровъ въ тюрьму. Проходя черезъ Китайскій городъ, ими были услышаны раздирающіе душу крики въ одномъ изъ глухихъ переулковъ. Ефрейторъ-стрѣлокъ Поваляевъ немедленно отправилъ на крикъ 2-хъ своихъ стрѣлковъ, а самъ остался съ арестованными разбойниками. Какъ только стрѣлки скрылись за угломъ, оба боксера бросились на Поваляева, стараясь опрокинуть его на землю и отнять винтовку. Въ разгаръ борьбы изъ смежной улицы выскакиваетъ еще боксеръ, который, подбѣжавъ къ борющимся, наноситъ ударъ палкой по головѣ ефрейтору и затѣмъ вцѣпившись ему въ горло начинаетъ душить. Но храбрый стрѣлокъ лихо отбился отъ насѣвшихъ на него китайцевъ и уложилъ ихъ всѣхъ штыкомъ на мѣстѣ. Возвратившіеся стрѣлки нашли только 3 трупа и часовымъ около нихъ своего ефрейтора. Послѣдній передавъ имъ свою „сдачу“ явился по начальству и заявилъ о случившемся. „Что же ты не стрѣлялъ? На выстрѣлъ прибѣжала бы помощь“ — спросили его.—Такъ что Ваше Высокоблагородіе не стрѣляло, потому боялся тревогу произвести понапрасну, отвѣчалъ храбрый молодецъ стрѣлокъ. Что за чудный типъ, нашъ простой русскій солдатъ! На него

нападаютъ на одного втроемъ, а онъ видите боится потревожить людей „понапрасну“. Вообще чѣмъ ближе узнаешь нашего солдата, тѣмъ болѣе проникаешься уваженіемъ и любовью къ этому скромному, сѣрому герою. Съ такими молодцами при хорошихъ руководителяхъ можно весь свѣтъ завоевать. И на одного изъ такихъ людей англичане сплели свою нелѣпую клевету.—И вотъ комендантъ назначилъ прощальный парадъ ротѣ, въ которой состоялъ Поваляевъ, въ день ея ухода изъ Инкоу, послѣ прихода смѣнившей ее въ гарнизонъ другой роты.—Зрѣлище парада привлекло почти все европейское населеніе города. Рота стояла на городской площади развернутымъ фронтомъ. Прибывшій на площадь комендантъ поздоровался съ ротой, поблагодарилъ ее за службу и затѣмъ приказалъ вызвать передъ фронтъ ефрейтора Поваляева. Когда послѣдній вышелъ, былъ прочитанъ приказъ, въ которомъ отъ лица службы комендантъ объявлялъ благодарность Поваляеву за его бравую распорядительность и жаловалъ денежную награду. Затѣмъ рота прошла церемоніальнымъ маршемъ, чѣмъ парадъ и закончился. Все видѣнное произвело на иностранцевъ такое впечатлѣніе, что больше подобные случаи клеветы не повторялись.

Но не всѣ иностранцы были таковы, были и между ними порядочные и справедливые люди, оставшіеся такими до конца. Сижу я какъ то въ ресторанѣ у извѣстнаго Edgar'a и слышу въ сосѣдней комнатѣ разговоръ. Разговариваютъ по англійски, слышу говорятъ про русскихъ. Я пересѣлъ ближе къ двери и, будучи невидимъ собесѣдниками, сталъ прислушиваться. И вотъ, что я услышалъ. Одинъ изъ бывшихъ въ комнатѣ ругаетъ русскихъ и наши порядки. „Послушай, сэръ“, говоритъ ему другой: „вотъ ты бранишь русскихъ, а если бы ихъ не было можетъ быть и ты бы не сидѣлъ здѣсь со

мною“? Сособеѣдникъ соглашается съ этимъ доводомъ. „Вѣдь нашъ то адмиралъ не прислалъ защиты и только благодаря русскимъ и домъ твой и семья пѣлы и все all right“. „Сознаюсь, что неправъ“,—отвѣчаетъ другой: „ну вотъ видишь dear friend самъ соглашаешься, а смѣешь бранить своихъ спасителей, сохранившихъ и тебя и семью твою и домъ“.

Послѣ занятія города десантъ нашъ возвратился на лодку, кромѣ караула у флага поднятаго на мачтѣ таможни, лодка „Гремящій“ и другіе суда ушли и гарнизонъ города былъ составленъ изъ стрѣлковъ. Изъ нихъ же была организована и полиція. Полицейскій стрѣлокъ стоялъ на посту съ винтовкой и въ отличіе отъ другихъ стрѣлковъ имѣлъ на груди овальную жестяную бляху съ номеромъ. Позднѣе была организована полиція изъ надежныхъ китайцевъ одѣтыхъ въ синія куртки, бѣлыя грибовидныя шляпы съ красной кистью, на рукавѣ имѣли они перевязь изъ русскихъ національныхъ цвѣтовъ и вооружены были палками. Они съ гордостью носили свой костюмъ ипреважно отдавали честь офицерамъ, прикладывая растопыренную пятерню къ полямъ своей широчайшей шляпы. Первымъ полицеймейстеромъ былъ штабсъ-капитанъ Пересвѣтъ Салтанъ, а затѣмъ поручикъ 11-го стрѣлковаго полка Шапошниковъ. Для наблюденія за тѣмъ, чтобы не провозилась военная и частная контрабанда были учреждены въ двухъ мѣстахъ на рѣкѣ брантвахты. Это были поставленные на якоряхъ большія джонки приспособленные для житья и называемыя здѣсь „House boat“ въ переводѣ „домъ-лодка“. На каждой брантвахтѣ была команда изъ матросовъ съ „Отважнаго“ при унтеръ-офицерѣ, вооруженная магазинными ружьями системы Пибоди-Мартини добытыми изъ таможеннаго склада. Одна брантвахта была у русскаго

участка, а другая противъ китайской таможни въ китайскомъ городѣ. Вскорѣ послѣ занятія намъ достались совершенно случайно два небольшихъ рѣчныхъ парохода. Это произошло такъ курьезно, что нельзя обойти этотъ фактъ молчаніемъ. Мичманъ В. Н. Азаревъ съ миноносца № 206, про-

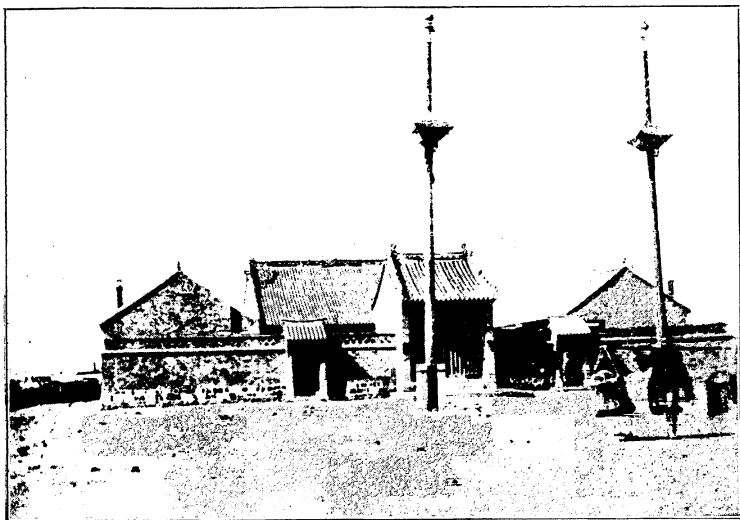

Китайскіе пароходы, найденные въ городѣ.

ходя по китайскому городу вдоль по берегу замѣтилъ вдругъ не вдалекѣ отъ береговой черты въ ямѣ 2 стоящихъ парохода. Очевидно, эти пароходы были введены китайцами уже давно въ этотъ своеобразный сухой докъ. Дѣлается это обыкновенно такъ. Предварительно роютъ глубокую яму, затѣмъ когда она готова, то во время отлива срываютъ перемычку между ямою и рѣкой, вслѣдствіе чего во время прилива вода наполняетъ ее. Послѣ этого вводятъ судно, снова пользуясь отливомъ, насыпаютъ перемычку и затѣмъ выкачиваютъ воду. Такимъ образомъ судно оказывается въ естествен-

номъ сухомъ докѣ. Немедленно объ этой находкѣ было доложено командиру. Тотъ послалъ механика осмотрѣть машины, которыя, хоть и были найдены страшно залуценными, но всѣ существенныя части были въ цѣлости. Послали съ лодки машинистовъ, столяровъ, маляровъ и прочихъ мастеровыхъ и пошла работа, какъ у насъ во флотѣ называется „ходомъ“. Черезъ 2 недѣли пароходы были приведены въ порядокъ, выведены изъ мѣста храненія и начали функционировать по рѣкѣ. Но я отвлекся отъ главной нити разсказа, а потому спѣшу продолжать.— Въ городѣ передѣлки шли своимъ чередомъ. Зданіе Ямыня перестраивалось примѣнительно къ мѣсту центрального управленія. Середина зданія предназначалась быть пріемной залой, правое крыло управленіемъ градоначальника, а лѣвое коменданта.— Кромѣ градоначальника, коменданта и полицеймейстера администрацію города составляли: городской судья капитанъ Разумовскій, а затѣмъ капитанъ Дабовскій, завѣдующій санитарной частью и контролеръ таможни И. Ф. Шмидтъ (чиновникъ Русско-китайскаго банка). При комендантѣ, какъ начальникъ гарнизона состоялъ адъютантомъ артиллеріи подпоручикъ Вельчинскій, а помощникомъ по управленію морской станціей былъ я, хотя мнѣ приходилось сверхъ этого исполнять обязанность комендантскаго штабъ-офицера. Наконецъ при градоначальникѣ состояли лазутчики и переводчики. Кромѣ улаживанія разныхъ инцидентовъ съ иностранцами много еще приходилось посылать экспедицій въ окрестность для уничтоженія шаяекъ разбойниковъ, шатающихся по деревнямъ и мѣстечкамъ, но и они скоро были переловлены и достойно наказаны. Затѣмъ дабы обезопасить себя отъ китайскихъ войскъ, могущихъ явиться со стороны Шангай Гуана, желѣзнодорожный путь отъ Англійскаго вокзала на нѣсколько верстъ по направленію

къ этому городу былъ разобранъ. Видя справедливое русское управленіе, китайцы окончательно ободрились и торговля закипѣла по прежнему. Благодарность свою коменданту они выразили впоследствии, когда онъ покидалъ Инкоу тѣмъ, что поднесли ему почетное красное шелковое полотнище на которомъ была вышита по китайски слѣдующая надпись:

Зданіе Ямыня въ Инкоу.

„Великаго Русскаго Царя Начальнику“
„Силь морскихъ, сухопутныхъ, пушечныхъ и лошадиныхъ“,
„Ваше строгое приказаніе облагодѣтельствовало“
„Много бѣднаго народа“.

Вспоминая это время, когда съ ранняго утра уже въ сѣдлѣ ѣздишь по позиціямъ, днемъ на катерѣ по брантвахтамъ, а вечеромъ за работой по отправкѣ и полученію донесеній, телеграммъ и проч. чувствуешь, что жилось полной живой жизнью.

Но вотъ наступилъ день 22 августа; ровно черезъ мѣсяцъ послѣ занятія нами города, въ Инкоу пришла лодка „Бобръ“ намъ на смѣну и привезла

намъ новаго командира капитана 2 ранга Л. А. Брусилова. Капитанъ 2 ранга Клапье де Колонгъ оставался комендантомъ въ Инкоу. Тяжело было намъ разставаться съ любимымъ командиромъ, дѣлившимъ съ нами и горе и радость и всегда относившимся къ намъ, какъ старшій, добрый товарищъ. 26 Августа при громкихъ напутственныхъ крикахъ населенія и „ура“ выстроившагося на берегу гарнизона нашихъ славныхъ товарищей стрѣлковъ, лодка снялась съ якорей и плавно тронулась съ своего насиженного мѣста противъ таможни (послѣ бомбардировки она вновь его заняла) и пошла изъ Инкоу. Вся европейская дѣтвора забралась на стоявшій въ рѣкѣ пароходъ и при проходѣ лодки кричала „ура!“ и махала платками и шапками. Съ лодки неслись отвѣтные клики. Такимъ задушевнымъ привѣтомъ провожалъ насъ Инкоу. Послѣднимъ простился съ нами нашъ вѣрный другъ лопманъ Herr Lorenzen, у старика на глазахъ были слезы... да и не у одного его они были... То были честныя, искреннія слезы... Но вотъ и его плюпка отвалила!.. „Полный ходъ!“ Прощай Инкоу, прощай городъ, гдѣ мы провели столько тревожныхъ но и столько хорошихъ дней!

Прошли года... „Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“... Не вѣтъ ужъ гордо надъ Инкоу нашъ русский Андреевскій флагъ... Нѣтъ и „Отважнаго“ — изуродованный лежитъ онъ въ водахъ Портъ-Артура, до конца честно исполнивъ свой долгъ передъ родиной и не посрамивъ своего флага и имени. Обидно и грустно, становится на душѣ... Но нѣтъ! Пройдетъ тяжелое время, вырастетъ новый „Отважный“ и гордо вззовется на немъ, какъ въ дни былые, нашъ славный „Андреевскій флагъ“.

Въ складѣ В. А. Березовскаго С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Наши казаки на Дальнемъ Востокѣ. Сборникъ рассказовъ корреспондентовъ и участниковъ войны, помѣщенныхъ въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ. Собралъ *И. Тонконоговъ*. Спб., 1907 г.

50 к.

... Книжка г. Тонконогова интересна: въ казачьихъ поселкахъ, хуторахъ и станицахъ; воспоминанія о молодцахъ-казакахъ и ихъ мужества прочтутся съ удовольствіемъ.

Энбишъ. „Развѣдчикъ“ № 894.

... Книжка читается съ интересомъ и рекомендуется для чтенія войсковымъ частямъ.

Такія книги родятъ благородныя мысли и начала тѣхъ силъ, которыя живутъ въ душѣ человѣка до случая двинуть его на великія дѣла, воскрешая въ націи героевъ, а потому появленію такихъ изданій можно только радоваться и желать имъ самаго широкаго распространенія.

Ф. Я. „Вѣст. Русск. Кон.“ 1907 г. № 13.

Мищенко. Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ. Сост. *В. А. Апушкинъ*. Спб., 1908 г. Съ рисунками **1 р. 25 к.**

Надо сказать спасибо автору, напомнившему, „что есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ и не изжита еще боевая сила русскаго народа“.

Х. Х. „Рус. Инв.“ 1907 г. № 34 прилож.

Гибель 5 стрѣлковаго полка подъ Мукденомъ. Составлено офицерами 5 стрѣлковаго полка, участниками Мукденскихъ операцій. 1907 г. . . **40 к.**

Долго молчали заподозрѣнные, ожидая, что гласный судъ или компетентное заявленіе начальства возстановитъ ихъ репутацію, но такъ и не дождались. Наконецъ, они рѣшили печатно выступить съ изложеніемъ подробностей дѣла.

Жик. Ставрогинъ. „Рус. Слово“ 1907 г. № 232.

Какъ погибъ 5-й стрѣлковый полкъ подъ Мукденомъ? Воспоминанія полковн. Генер. Штаба *Циховича*. 1908 г. **50 к.**

Дуэли. Рассказы изъ эпохи Александра I и Николая I.
Н. И. Фалеева. Спб. 1908 г. 8 д. 575 стр.
3 р.

Содержаніе. Въ старомъ домѣ. — Обида. — Юнкерская исторія. — По ремности. — Несправедливое донесеніе. — Асмо-деиха. — На балу. — Монастырская дѣвка. — Служебное недо-разумѣніе. — По дорогѣ. — Большой панъ. — Карточный долгъ. — Княжескій поединокъ. — На походѣ. — Сплетники. — Бѣлокурая Эльза. — Бракоразводный эпилогъ. — Помѣшанный. — За честь правительства. — Одно увлеченіе. — Дружеская услуга. — Въ трущобахъ. — Танцоры. — Театральн. дебютъ. — Ножъ киргиза. — Болота. — Общественное мнѣніе. — Чье письмо? — Красная Горка. — Соперники.

... Авторъ, располагая несомнѣнно интереснымъ архив-нымъ матеріаломъ, является менѣе всего историкомъ... Для читателей, ищущихъ въ книгѣ легкихъ рассказовъ, „Дуэли“ представлятъ интересъ; къ тому же онѣ писаны безусловно литературнымъ языкомъ и касаются безусловно интереснаго вопроса...

Мих. Сок-скій. Прил. къ „Русск. Ивл.“ 1908 г. № 6.

Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Во-стока. Воспо-минанія офицера генеральнаго штаба и командира полка о Русско-Японской войнѣ. *М. Грулева.* 1908 г. 2 р. 50 к.

... авторъ вполне достигъ своей цѣли и далъ правдивый, чрезвычайно интересный, цѣнный вкладъ въ исторію минувшей войны. Участники этой эпопеи прочтутъ книгу съ большимъ удовольствіемъ, а всѣ прочіе извлекутъ изъ нея и не мало пользы.

А. М. Янушкинъ. Прил. къ „Рус. Ивл.“ 1908 г. № 6.

Воспоминанія изъ Русско-Японской войны. *А. Любичій.* Спб. 1906 г. 1 р.

... Прочитайте, господа, эту книжку. Книжка не утомитъ васъ чтеніемъ и, быть можетъ, что-нибудь запомнится изъ нея и принесетъ пользу.

Интересныхъ мелочей въ симпатичной книжкѣ А. Любич-каго не мало.

Л. Зацукъ. („Развѣдчикъ“ № 830).

Цѣна 50 к.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:

въ складъ В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

